

ВАЛЕРИЙ ЗАМУЛИН

КУРСК - 43

КАК ГОТОВИЛАСЬ
БИТВА «ТИТАНОВ»

КНИГА 1

Подлинная история великих войн

Валерий Замулин

**Курск-43. Как готовилась
битва «титанов». Книга 1**

«Яуза»

2018

УДК 355/359
ББК 68

Замулин В. Н.

Курск-43. Как готовилась битва «титанов». Книга 1 /
В. Н. Замулин — «Яуза», 2018 — (Подлинная история великих
войн)

ISBN 978-5-04-098125-0

С момента окончания битвы под Курском минуло 75 лет, однако отечественным ученым пока так и не удалось решить значительную часть важных проблем истории этого масштабного события Второй мировой войны. И прежде всего связанных с планированием германским командованием удара на Курск. Например, как рождался замысел операции «Цитадель»? Почему Берлин решил провести наступление именно у Курской дуги, хотя было очевидно, что Москва ожидала удар в этом районе и активно готовилась к его отражению? Какую роль сыграли затяжка с подготовкой войск 9-й армии генерала В. Моделя и его знаменитое письмо Гитлеру в переносе начала операции, а затем и в её срыве? Могла ли Германия выиграть битву под Курском, если бы она началась в мае – июне 1943 г.? Эти и другие проблемы анализируются в новой книге известного российского исследователя кандидата исторических наук В. Н. Замулина на основе ранее неизвестного трофейного материала, собранного в отечественных и зарубежных архивах.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-04-098125-0

© Замулин В. Н., 2018

© Яуза, 2018

Содержание

Слово к читателю	7
Глава 1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Валерий Замулин
Курск-43. Как готовилась
битва «титанов». Книга 1

© Замулин В. Н., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Слово к читателю

В ваших руках – первая часть нового двухтомного издания, посвященного планированию и подготовке боевых действий в районе знаменитой Курской дуги командованием вермахта и Красной армии, которое увидит свет в ближайшее время. В первой книге – помимо обзора отечественной историографии о событиях на Огненной дуге кратко проанализировано положение Германии после зимней кампании 1942/43 г., представлена обстановка, сложившаяся в центральной части советско-германского фронта после завершения неудачной для нас Харьковской оборонительной операции и отхода войск Воронежского и Юго-Западного фронтов за Северский Донец в районе Белгород – Шебекино – Изюм, на неизвестном ранее документальном материале раскрыты планы германского командования на летнюю кампанию 1943 г., впервые в отечественной историографии детально реконструирован процесс зарождения замысла и подготовки операции «Цитадель», срыв которой советскими войсками фактически завершил коренной перелом в Великой Отечественной войне.

Двухтомник предполагалось издать первым в серии работ о событиях лета 1943 г., которую я задумал в начале 2000-х¹. Однако реализовать замысел удалось лишь сегодня. На это повлияли существенные трудности, с которыми я столкнулся при сборе документального материала, и отсутствие в отечественной историографии этого масштабного события крупных трудов, которые могли бы стать ориентиром для развертывания исследования.

Сегодня наши представления о том, как готовились события, связанные с завершением коренного перелома в войне (даже о замыслах советской стороны, не говоря уже о противнике), остаются на уровне середины 1960-х гг., они фрагментарны и во многом далеки от исторической правды, т. к. до развала СССР тема планирования и подготовки противоборствующими сторонами битвы под Курском для отечественных исследователей была фактически закрыта. Главные причины – идеологическое давление и отсутствие у них возможности работать с необходимыми архивными источниками. Материалы Ставки ВГК и фронтовых управлений по данной проблематике находились на секретном хранении, основной массив боевых документов советских войск, действовавших под Курском, начали рассекречивать лишь после развала СССР. А документы командования вермахта, хотя свободный доступ к ним в зарубежных архивах был открыт ещё в середине прошлого века, априори рассматривались как недостоверные, умалявшие роль советских вооруженных сил в победе над фашизмом. Даже трофейные источники, хранившиеся в Архиве МО СССР², из-за этого использовались крайне редко. Например, до начала 2000-х гг. в открытых изданиях не встречается информация из большого массива документов штаба ГА «Центр» за июль – август 1943 г., войска которой в ходе «Цитадели» наступали на Курск с севера. Хотя этот материал был захвачен в качестве трофеев в Белоруссии ещё в 1944 г., во время окружения её главных сил и после передачи в архив, переведен на русский язык. Лишь в 2003 г. небольшая его часть впервые была опубликована в сборнике «Курская битва. Хроника. Факты. Люди»³.

Однако и после 1993 г., когда истек пятидесятилетний срок секретности для боевых документов и в ЦАМО РФ их начали постепенно выдавать для работы исследователям, ситуация кардинально не изменилась. Архив по-прежнему оставался ведомственным, поэтому для зарубежных исследователей сохранился все тот же особый, сложный режим доступа даже к откры-

---

¹ Замулин В. Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны. М.: Транзиткнига, АСТ, 2006. 736 с.; Замулин В. Н. Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 1000 с.; Замулин В. Н. Засекреченная Курская битва. Неизвестные документы свидетельствуют. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 816 с.; Замулин В. Н. Забытое сражение Огненной дуги. М.: Яуза, Эксмо, 2009. 712 с.; Замулин В. Н. Курская битва. 70 лет мифов и легенд. М.: Вече, 2016. 480 с.

² С 15 ноября 1975 г. – ЦАМО РФ.

³ Курская битва. Хроника. Факты. Люди. В 2 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 383 с.

тым материалам. А у нас в стране начался тяжелейший кризис, поэтому отечественные ученые не спешили пополнять свои знания о событиях коренного перелома и стирать белые пятна недавней истории.

В 1950–1980 гг. дефицит информации о Курской битве в определенной мере восполнялся мемуарами полководцев и военачальников, имевших к ней непосредственное отношение, а также их публикациями в специализированных периодических изданиях, которые в большинстве своем, по сути, были кусками из всё тех же книг воспоминаний, обработанных под журнальный размер. Наиболее интересными и значимыми для историков стали воспоминания Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. С. Москаленко, генерала армии С. М. Штеменко, а также книги фельдмаршала Э. фон Манштейна и генерал-полковника Г. Гудериана, которые были выпущены ограниченным тиражом в середине 1950-х. Однако из-за жесткой цензуры, уродовавшей книги советских генералов и маршалов, а также в силу тенденциозности оценок германскими военачальниками действий советских войск и их настойчивого желания все просчеты и ошибки свалить на Гитлера, информация даже из этих, безусловно, интересных трудов давала искаженную картину событий весны – лета 1943 г. Особенно по сложным проблемам, каковыми, безусловно, являлись процессы выработки замысла операции «Цитадель» и подготовки советской стороной системы мер по отражению удара на Курск.

Перечисленные проблемы существенно усугубляло идеологическое давление со стороны цензурных органов. В результате за весь послевоенный период проблемы планирования летней кампании 1943 г. и Москвой, и Берлином относительно подробно рассматривались лишь в одном крупном отечественном труде – монографии военных историков Г. А. Колтунова и Б. Г. Соловьева «Курская битва», вышедшем в 1970 г.⁴ Однако главное внимание в ней было уделено деятельности советской стороны – Ставки ВГК и командования фронтов. Процесс же формирования замысла и разработки плана «Цитадель», подготовка для её реализации войск, а также весь комплекс проблем, связанных с этим, излагались скупно, на основе крайне узкой документальной базы.

Справедливости ради следует отметить, что такой же подход был характерен и для Э. Клинки, автора первого немецкого крупного исследования истории Курской битвы на документальном материале – «Операция «Цитадель», 1943 г. Принцип действия»⁵, – который был опубликован в 1965 г. В этом труде деятельность советского командования весной – летом 1943 г. вообще не затрагивалась, в то время как процесс разработки замысла удара на Курск, подготовка плана наступления и причины его срыва излагались подробно и всесторонне. Однако в последующие годы в западной исторической науке положение с разработкой темы событий под Курском заметно изменилось в лучшую сторону. В настоящее время и германскими, и англоязычными исследователями сражение изучено и описано значительно шире и подробнее, чем то, как велась разработка Курской оборонительной операции, отечественными историками. В значительной мере это связано со стремлением Гитлера подробно документировать историю создания Третьего рейха и собственный вклад в его развитие, а также с рассекречиванием на Западе значительно раньше, чем в СССР, боевых документов войск, участвовавших в Курской битве, и высших структур управления вермахтом. Благодаря этому сохранился огромный массив документального материала по этой проблематике, который сегодня доступен не только военным специалистам, но и обычным гражданским исследователям.

Отечественным же ученым за минувшие 75 лет не только не удалось подробно реконструировать на документальном материале весь процесс подготовки к Курской битве, но даже

---

⁴ Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. 400 с.

⁵ Klink E. Das Gesetz des Handelns. Die Operation «Zitadelle». 1943. Stuttgart, 1966. 356 s.

понять мотивы ряда ключевых решений противоборствующими сторонами. Например, какие факторы повлияли на выбор Берлином именно варианта наступления, изложенного в плане «Цитадель», несмотря на крайне неблагоприятные условия, в которых он разрабатывался, и явное ожидание этого удара советской стороной, или какие факторы влияли на неоднократный перенос начала наступления.

Ключевым фактором для проведения всестороннего анализа процесса планирования и подготовки удара на Курск было наличие разноплановой документации войск вермахта, привлекавшихся для его проведения, причем минимум уровня штаб армии – группа армий. Её поиск и получение стали главной задачей на первом этапе работы над книгой. В настоящее время эти материалы сосредоточены в трёх странах – США, ФРГ и России. Несмотря на то что основная часть боевых формирований вермахта была разгромлена на советско-германском фронте, их командованию удавалось эвакуировать большую часть архива штабов, в том числе и материалы планирования прошлых операций. Например, попавшие в руки советских войск после «Багратиона» документы штаба ГА «Центр» и её армий за 1943 г. в основном носили оперативный характер: дневные и вечерние донесения, разведсводки и т. д. А приказы, протоколы совещаний, материалы разработки наступления на Курск были вывезены в Берлин и в 1945 г. переданы англо-американскому командованию. Причем большая часть их оказалась в Национальном управлении архивов и документации США (NARA USA) под Вашингтоном.

В 1955 г. США и Великобритания вернули трофеи (за исключением карт и небольшой части документов) в военный архив ФРГ. А через два года после начала реализации германским правительством «Доктрины Хальшейна»⁶ обратились к ФРГ с просьбой сделать микрофильмирование документов вермахта за период Второй мировой войны. Основная часть этой работы была выполнена в 1959–1965 гг. В настоящее время в NARA USA хранятся 16 000 фотопленок (или роллов, как они именуются в системе архива) с этим материалом, распределенных по 11 фондам: Главное управление вермахта (ОКВ, Т-077), командование сухопутных войск (ОКХ, Т-078), документы службы безопасности и полиции (Т-175), группы армий (Т-311), армии (Т-312), танковые армии (Т-313), корпуса (Т-314), дивизии (Т-315), части войск СС (Т-354), тыловые районы (Т-501) и части флота (Т-1022). Однако тогда были пересняты не все материалы, относящиеся к событиям советско-германского фронта, поэтому сегодня работать с ними возможно, только лично прибыв во Фрайбург, где расположен федеральный архив, и заранее заказав дела на определенное время. Возможно, это покажется удивительным, но отечественному исследователю, несмотря на несоизмеримое расстояние между странами, получить материалы из США проще, чем из ФРГ. Микрофильмирование исторического материала существенно упростило доступ к ним – достаточно отсканировать пленки. Хотя роллы имеют довольно высокую стоимость – от 100 до 150 долларов США. Тем не менее мне удалось собрать для книги минимум необходимых документов из обоих западных архивов. Подавляющее большинство из них вводится в научный оборот впервые. Однако в силу перечисленных причин времени для поиска потребовалось больше, чем я предполагал, приступая к этой работе.

В трофейном фонде (№ 500) ЦАМО РФ тоже удалось найти интересные и важные источники, хотя их количество несоизмеримо с тем объемом материала, который был получен из США и ФРГ. В первую очередь следует назвать недавно рассекреченную стенограмму совещания командующего ГА «Центр» фельдмаршала Г. фон Клюге с командующим ЗТА генерал-полковником Г. Рейнхардом 17 июня 1943 г. Этот документ, хотя напрямую и не касается подготовки «Цитадели», даёт представление об общем историческом фоне, на котором шла её подготовка, позволяет понять настроение и мнение генералов руководящего звена одного

---

⁶ Внешнеполитическая доктрина, проводившаяся правительством ФРГ с 1955 по 1970 г. с целью изоляции ГДР на мировой арене.

из двух стратегических объединений, привлеченных для её реализации, относительно плана наступления и проблем, возникших из-за него у командования армий, которые не были связаны с операцией, но находились рядом. Боевые и отчетные документы вермахта из американского, германского и российского военных архивов составили основу источниковой базы настоящего исследования.

Вторая крупная проблема, которая существенно отстрочила подготовку книги и усложнила работу над ней, – это необходимость параллельного анализа очень большого массива информации из разных источников в хронологической последовательности. Из-за того, что до настоящего времени отечественным историкам не удалось создать достоверную картину подготовки Германии к Курской битве, наряду с открытыми публикациями по этой теме пришлось подробно изучать весь без исключения собранный архивный материал штабов ГА «Юг», «Центр» и их войск до танковых и пехотных дивизии включительно, а его общий объем оказался несколько тысяч страниц. Однако результаты превзошли мои ожидания. Такой подход позволил не только подробно описать события по дням и часам, определить факторы, оказывавшие существенное влияние на разработку замысла удара на Курск, но и понять мотивы ряда ключевых решений военного и военно-политического руководства Рейха на стадии обсуждения плана и летней кампании, и операции «Цитадель».

В связи с использованием в книге значительной массы документального материала германских вооруженных сил у читателя могут возникнуть справедливые вопросы: «Насколько достоверны данные из этих источников?», «Есть ли в них элемент пропаганды и какова вероятность сознательного искажения оперативной информации?». Безусловно, работа органов пропаганды в Германии была организована на очень высоком уровне, она пронизывала всё её общество и госструктуры. Однако в вермахте существовало довольно жесткое разделение информации для внутреннего пользования и материалов для пропаганды. Пропагандой в вооруженных силах занимались военнослужащие из рот пропаганды – корреспонденты, специальные сотрудники, обрабатывавшие информацию в нужном ключе для так называемых военных отчетов, направлявшихся в различные средства массовой информации, издательства и т. д. В свою очередь, эти отчёты тоже проходили специальную проверку, и на них часто ставили специальный штамп цензуры или четко писали – это материал для пропаганды. В документах же штабов всех воинских формирований вермахта, в том числе в журналах боевых действий, отчетах для вышестоящих органов, донесениях, ориентировках и т. д., если и встречались ошибки, то, как правило, фактические, связанные с отсутствием данных из района боевых действий (с поля боя), из-за ошибок или описок при их передаче от низовых подразделений наверх, но никак не пропагандистского характера. Причем искажение фактов, допущенное в документах для внутреннего использования сознательно, а тем более подлог являлись поводом к привлечению офицера, решившегося на такой шаг, к суду военного трибунала. Это не касается темы убыли личного состава в боях. Со статистикой потерь военно-бюрократическая система вермахта работала на основе иных правил и установок, но в работе над книгой подобных документов я практически не использовал.

Вместе с тем следует помнить, что документы в штабах вермахта писали люди, в большинстве своём поддерживавшие нацистскую идеологию, разделявшие идеи превосходства Германии и её вооруженных сил над другими странами, армиями и нациями. Поэтому тональность отдельных материалов, а также встречающиеся в них отдельные оценочные суждения в полной мере можно отнести к пропаганде. Эти куски сразу выделяются в тексте повествования (стилистически) и, как правило, не относятся к фактической стороне боевой работы войск и их штабов.

Однако достоверность обнаруженных источников ещё не определяет их ценность для задач исследования. В одной дивизии, корпусе, армии параллельно могло быть несколько журналов боевых действий и отчетов о работе войск, т. к. каждый отдел штаба вел свою доку-

ментацию. Для историка, изучающего боевые операции, важнейшими являются материалы двух отделов (управлений): оперативного (Ia) и разведывательного (Ic). Именно в них сосредотачивалась ключевая информация: данные о численности частей и соединений, ходе боевых действий, расположении собственных подразделений, их проблемах и задачах, действиях противника, планах операции, приказы и распоряжения вышестоящего командования, разведдонесения, протоколы допросов военнопленных и перебежчиков, а также сводные карты, схемы и отчеты о положении в полосе обороны (наступления). Из всех собранных мною источников они оказались наиболее объёмными и информативными. Поэтому для анализа обстановки, замысла германского командования и событий, предшествовавших июльским боям 1943 г., в книге главным образом использовались материалы именно этих отделов штабов разных уровней.

Вместе с тем, характеризуя базу собранных для книги источников, следует отметить и ещё один существенный момент. Параллельный анализ материалов Красной армии и вермахта показал, что германские корпусные и армейские документы в большинстве случаев более информативны и объективны, чем советские того же уровня. Важной особенностью журналов боевых действий оперативных отделов является критический подход к действиям своих войск. Если в советских документах подобного рода неудачи и ошибки обычно старались не отражать или писать о них кратко и поверхностно, то немецкие офицеры часто даже на незначительные просчеты специально заостряли внимание. И при этом, в отличие от журналов боевых действий советских соединений, в немецких обязательно указывается источник информации, приведённой в журнале, а также дается большое приложение. Кроме того, особенностью данных из журналов боевых действий является их большая достоверность и высокая степень детализации, чем из оперативных материалов, касавшихся не только хода боевых действий, но и процесса их планирования, т. к. они уже прошли определенную проверку. Круг источников информации для журналов был очень широкий: стенограммы телефонных переговоров офицеров высшего звена управления, вплоть до командующего группой армий, шифровки, донесения, ориентировки своих штабов и соседних соединений и другие оперативные аутентичные документы. Причем в приложение, как правило, включаются все документы, использованные для написания журнала. Поэтому они более информативны, чем советские такого же рода, за исключением фронтового уровня.

Тем не менее при сопоставлении трофейных материалов с документами Красной армии (особенно однотипных) в первых тоже обнаруживается немало недочетов и ошибок. Поэтому считаю, что всесторонне осветить проблему, дать ей объективную оценку и реконструировать исторические события с высокой долей достоверности, особенно в динамике, возможно лишь с помощью параллельного анализа источников обеих противоборствующих сторон.

Важную роль в моём исследовании, в части оценки боевых возможностей войск ударных группировок в районе Курской дуги, сыграли отчётные материалы (донесения) 4 ТА и АГ «Кемпф», 9А, в которых указана численность бронетехники перед началом наступательной операции. Все перечисленные источники важны тем, что это первичные документы, следовательно, наиболее достоверные.

Достаточно широко в книге используются данные из работ отечественных и зарубежных авторов, опубликованных в 1960-е годы и позже. На мой взгляд, наиболее информативными и интересными оказались упомянутые выше обобщающие труды советских историков Г. А. Колтунова и Б. Г. Соловьева, германских – Э. Клинки и новая работа Р. Тёппеля⁷, сборник американского исследователя С. Ньютона «Курская битва: немецкий взгляд»⁸, подготовленный по материалам, хранящимся в фондах NARA USA, а также совместный труд шведских авторов Н.

⁷ Töppel R. Kursk 1943: Die größte Schlacht des Zweiten Weltkriegs. Schöningh, Paderborn, 2017. – 230 s.

⁸ Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза, 2006. – 576 с.

Цеттерлинга и А. Франксона с анализом статистического материала по Курской битве. Вместе с тем важную роль для создания исторического фона повествования, характеристики отдельных исторических фигур, более рельефного описания ключевых тенденций в оценке способов дальнейшего ведения войны руководством вермахта и точек зрения на летнюю кампанию 1943 г., которые имели место весной и летом 1943 г., использовались мемуары непосредственных участников тех событий. Однако авторы этих книг процесс планирования и подготовки Курской битвы часто описывают однобоко и претенциозно, оценки ими ключевых событий и решений носят крайне субъективный характер и, главное, нередко расходятся с исторической реальностью, поэтому они использовались для анализа лишь как вспомогательный источник.

В книге я постарался не только обозначить крупные «производственные» проблемы, возникшие в войсках вермахта при подготовке удара на Курск, и раскрыть то, как они решались германским командованием на всех уровнях, но и включить в канву повествования «человеческую составляющую» этого грандиозного события. Для того чтобы в общих чертах дать читателю представление о некоторых особенностях характера и личности основных участников событий, которые в той или иной мере влияли на подготовку и боевую работу войск. Решить эту задачу помогали и мемуарная литература, и архивные материалы – стенограммы совещаний, в том числе и в присутствии Гитлера, телефонных переговоров, бесед генералов и офицеров, их письма к соратникам. Кроме того, в монографии широко используется информация из работ ряда западных исследователей, занимающихся биографиями полководцев Третьего рейха.

В книге дано приложение со значительным статистическим материалом, который поможет читателю глубже осмыслить изложенное в основном тексте. Кроме того, она иллюстрирована редкими photographиями, собранными за несколько лет работы.

Подготовка первой монографии и двухтомника в целом заняла шесть лет. В ходе этой большой и кропотливой работы я постоянно чувствовал поддержку родных, коллег, друзей, сотрудников отечественных и зарубежных архивов. Я признателен всем за терпение, понимание, потраченное время и готовность внести свой посильный вклад в восстановление событий истории нашего Отечества.

Благодарю за всестороннюю помощь в подготовке исследования великолепного организатора науки, ректора Юго-Западного государственного университета, доктора технических наук, профессора Сергея Геннадьевича Емельянова.

Особо хочу отметить вклад в очень трудоёмкую техническую работу над книгой и поблагодарить за большую товарищескую помощь по переводу всего собранного трофейного материала замечательного ученого, доктора наук Алексея Борисовича Шевелева и человека, посвятившего себя делу сохранения памяти о подвиге воинов Красной армии в борьбе с фашизмом, гражданина ФРГ Алексея Владимировича Кислицына.

Надеюсь, что моя новая работа так же, как и прежние книги, будет с интересом принята широкой читательской аудиторией. Тем, кто захочет поделиться впечатлениями о ней, уточнить детали или задать вопрос, предлагаю писать на мой почтовый ящик в Интернете по адресу: valery-zamulin@yandex.ru.

Буду рад неравнодушным собеседникам, стремящимся узнать историю России.

*Валерий Замулин,
5 июля 2018 г.*

*Если вы хотите чему-то научиться из истории, то запомните,
что не следует недооценивать русских.*

Гейнц Гудериан⁹

---

⁹ Это заявление генерал-полковник, создатель танковых войск вермахта, сделал в беседе с английским военным историком и теоретиком военного искусства Б. Л. Гартом после Второй мировой войны (*Гарт Л. Б. По ту сторону холма. М.: АСТ, 2014. С. 36*).

Глава 1

Курская битва. Взгляд через десятилетия (опыт историографического обзора)

История Курской битвы, несмотря на минувшие семь десятилетий, продолжает привлекать большое внимание специалистов и общества. Об этом наглядно свидетельствуют и огромная библиография, накопленная в прошлые годы, и продолжающие выходить сегодня с завидной регулярностью труды историков во многих странах мира. По размаху, привлекавшимися силам и военно-политическим результатам боевые действия, развернувшиеся летом 1943 г. в районе Курска, стали переломным этапом не только в борьбе советского народа с гитлеровскими захватчиками, но и Второй мировой войны в целом. Вместе с тем битва на Огненной дуге стала блестящим дебютом «новой» Красной армии, обретшей «вкус победы» после разгрома врага на Волге и последовавшего затем контрнаступления.

После пятидесяти суток напряженных, кровопролитных боёв, в которых участвовало более четырёх миллионов человек, разгромив мощнейшую вражескую группировку, советская сторона окончательно закрепила инициативу в войне и не упускала её вплоть до мая 1945 г. Определяющим фактором этого успеха стал патриотизм советского народа, основанный на глубоких традициях защиты Отечества, которые ведут свое начало с момента зарождения славянских государств и их борьбы за независимость с чужеземными захватчиками.

Однако за весь послевоенный период в нашей стране так и не был проведён её комплексный, а главное, объективный анализ. История одной из крупнейших битв Красной армии (как, впрочем, и история всей минувшей войны) стала важнейшим элементом коммунистической пропаганды. Её события плотно окутаны мифами и легендами, некоторые из них не удаётся окончательно развеять даже сегодня.

Многочисленные издания и публикации за последние десятилетия, особенно приуроченные к юбилеям, давали лишь поверхностную оценку событий лета 1943 г. В них отсутствовали глубина и всесторонний анализ оперативной обстановки перед летними боями, цели и задачи противоборствующих сторон, принимавшихся решений, не был даже ясно изложен ход боевых действий. Причин этому несколько. Главная – незаинтересованность руководства Советского Союза и правящей элиты в объективном освещении событий войны, роли в ней И. В. Сталина как лидера, как олицетворения Коммунистической партии и, естественно, в критике административно-командной системы, которая им была создана за десятилетия до начала агрессии и просуществовала до 1991 г.

Вплоть до развала СССР вместо беспристрастного анализа всего комплекса вопросов планирования, подготовки и проведения серии масштабных и по-настоящему успешных оборонительных операций для Красной армии под Курском подавляющая часть советских историков десятилетия занималась описанием руководящей роли КПСС (ВКП(б)) в ней и созданием мифа о «крупнейшем танковом сражении в истории войн».

Начиная с первых чисел июля 1943 г., когда развернулось это грандиозное событие, вся информация о нём сосредотачивалась в двух главных центрах: Генеральном штабе (наиболее достоверная и полная, с целью использования армией) и средствах массовой информации (для пропагандистской работы). При этом гражданские историки от обоих каналов были далеки. Поэтому вплоть до 1960-х «локомотивом» в исследовании Курской битвы выступали военные учёные. И хотя результаты их деятельности в это время носили закрытый характер, тем не менее именно офицерами Генштаба была проведена главная работа по анализу все трех стра-

тегических операций в районе Орла, Курска, Белгорода и Харькова¹⁰, выводы которой легли в основу первых публикаций в нашей стране и позволили в дальнейшем начать исследование гражданским научным коллективам и отдельным историкам.

В отечественной историографии Курской битвы выделяются четыре основных периода. Первый, начальный, продлился с 1943 по 1955 г. и носил характер обобщения и осмысления тех событий (прежде всего военными). Второй (1957–1970 гг.), стал наиболее продуктивным. За эти тринадцать лет учёным и участникам войны хотя и с большим трудом, но удалось заложить здоровую основу для написания истории битвы. Третий (1971–1993 гг.), хотя и был самым продолжительным за время существования СССР, оказался безликим и малосодержательным в силу начавшейся «управляемой деградации» военно-исторических исследований, из-за безудержной идеологизации этой сферы научной деятельности. Началом отсчёта четвертого этапа, который продолжается и сегодня, можно считать 1993 г. В это время исполнилось полвека после завершения битвы и, согласно архивному законодательству, начался процесс рассекречивания фондов Центрального архива Министерства обороны РФ за 1943 г. Исследователи получили доступ к главному источнику информации – оперативным и отчётным документам войск Красной армии, а также трофейным материалам вермахта, без которых невозможен комплексный, а главное, объективный анализ тех событий.

В начальном периоде историографии чётко выделяется её военный этап, продлившийся до 1947 г. В это время изучение Курской битвы шло по восходящей – от газетных и журнальных публикаций к статьям в сборниках Генерального штаба по обобщению опыта войны и книгам по отдельным сражениям. Завершился этот этап успешным написанием военными специалистами двухтомной монографии, которая, хотя и не была рекомендована для издания, существенно повлияла на дальнейшую научную разработку проблемы в нашей стране.

Первыми историографами Курской битвы следует считать советских военных журналистов. Уже во второй половине июля 1943 г., после срыва наступления германской армии по плану «Цитадель», в центральных газетах появились большие очерки и статьи на эту тему и участников, и очевидцев тех событий. Их авторы описывали в основном отдельные сражения и бои, героизм советских воинов, хотя в некоторых публикациях делалась попытка обобщить опыт по отдельным проблемам. Например, 27 июля в «Известиях» появился очерк писателя и фронтового корреспондента «Красной звезды» В. С. Гроссмана¹¹ о героических делах артиллеристов 27-й отдельной истребительно-противотанковой бригады подполковника Н. Д. Чевола в районе крупного села Верхопенье на Воронежском фронте. В «Комсомольской правде» своим опытом поделился командующий 1-й танковой армией генерал-лейтенант М. Н. Катюков, корпуса которого находились на направлении главного удара немецкой группы армий «Юг» и сыграли ключевую роль в срыве планов захватчиков на обоянском направлении.

Особо следует остановиться на статье «*Прохоровский плацдарм*» военного корреспондента майора К. И. Буковского¹², напечатанной 29 июля 1943 г. в «Красной звезде». Во-первых,

¹⁰ Понятие «Курская битва» объединяет в себе боевые действия, развернувшиеся в ходе трёх стратегических операций Красной армии, проведенных в период с 5 июля по 23 августа 1943 г.: Курской оборонительной и двух наступательных – «Кутузов» и «Полководец Румянцев».

¹¹ Гроссман Иосиф Соломонович (Семёнович), советский писатель и журналист. Родился 29 ноября (12 декабря) 1905 г. в Бердичеве. Ещё в детстве уменьшительная форма его имени «Йося» превратилась в «Васю» и стала впоследствии его литературным псевдонимом – Василий Гроссман. С первых дней Великой Отечественной войны и до победы – спецкор газеты «Красная звезда» в действующей армии. В 1942 г. написал повесть «Народ бессмертен», ставшую первым крупным произведением о войне. Участвовал в создании документального фильма о Битве под Москвой. Во время Битвы за Сталинград находился в городе с первого до последнего дня уличных боев, награжден орденом Красного Знамени. В период Курской битвы работал в войсках Центрального фронта (под Понырями) и Воронежского (Прохоровка, Верхопенье). Роман «Жизнь и судьба», носивший резко антисталинский характер, над которым он работал с 1950 г., был запрещен к печати в СССР и опубликован лишь в 1988 г. Умер 14.09.1964 г. в Москве.

¹² Буковский Константин Иванович, советский журналист и писатель. Родился 5.05.1908 г. в с. Инжавине Тамбовской губернии, в крестьянской семье. Работал в Москве редактором заводских газет. С марта 1940 г. – в Красной армии, корреспон-

в ней впервые в открытой печати было рассказано о событиях у затерянной на просторах Центрального Черноземья небольшой железнодорожной станции, ставшей впоследствии символом мужества и трагизма. Во-вторых, она стала одним из важных источников мифа о Прохоровке. Автор не участвовал непосредственно в этом сражении, вся изложенная им информация была почерпнута из общения с командованием 5 гв. ТА, высокопоставленными политработниками и офицерами её штаба. Поэтому основные тезисы статьи, составившие впоследствии каркас легенды о «беспримерном» Прохоровском танковом сражении, почти в точности повторяют мысли из послевоенных книг и статей бывшего командующего армией П. А. Ротмистрова и его соратников. Главные из них: враг не ожидал столь мощного удара войск 5 гв. ТА 12 июля 1943 г. атака наших танкистов оказалась сквозной, сражение стало небывалым по размаху, *«определившим собой провал всего шольского наступления немцев на белгородско-курском направлении»*. После окончания боевых действий прошло лишь две недели, только завершила свою работу комиссия ГКО под председательством секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, расследовавшая очень высокие потери танкистов в ходе боевых действий 12 июля, вероятно, поэтому ещё не все аспекты мифа были отточены. Например, в статье представлены не столь фантастические цифры численности немецких танков, участвовавших в якобы лобовом столкновении 12 июля 1943 г. (всего около 400), указаны очень скромные (почти реальные) потери немцев (свыше 100 боевых машин) и главное – сражение у Прохоровки названо лишь *«одним из крупнейших в этом году»*. Для сравнения, в направленном в Москву буквально через несколько дней отчёте штаба 5 гв. ТА будут указаны совершенно иные данные: в бою участвовало 700 немецких танков, потери врага поднялись до 400, а бой 12 июля стал *«величайшим сражением в истории Отечественной войны»*¹³. Осенью 1943 г. освещать сражения под Курском начали журналы для пропагандистов и специализированные издания «Большевик», «Вестник воздушного флота», «Журнал автобронетанковых войск», «Военный вестник» и т. д.

Следует особо подчеркнуть, что эти публикации (и газетные, и журнальные), как правило, носили строго пропагандистскую направленность, поверхностный, повествовательный характер, который отличал все военные публикации открытой печати Советского Союза той поры. Кроме того, нельзя не отметить, что их авторы, журналисты всех уровней (армейских, фронтовых и центральных изданий), являясь, как они именовались в документах советских партийных органов, «бойцами идеологического фронта», не только в силу цензурных ограничений, но и нередко по личным соображениям допускали искажения фактов и даже придумывали целые боевые эпизоды. Эта пагубная тенденция возникла с первых дней войны и уже через полгода набрала настолько большую силу, что даже некоторые трезвомыслящие руководители военно-политической работы в вооруженных силах были вынуждены отмечать её крайне отрицательное влияние на эффективность пропаганды, т. е. уровень доверия к ней со стороны войск. Из директивы заместителя народного комиссара ВМФ начальника Главного политуправления ВМФ армейского комиссара 2 ранга Рогова № 1с от 22 января 1942 г.: *«На кораблях и частях флота за последнее время имеет большое распространение всякого рода вранье и ложь... Случаи вранья, всякого рода выдумки, подчас неправильные и политически вредные измышления отдельных политработников имеют место в агитационно-пропагандистской работе и флотской печати. Некоторые политработники вместо решительной борьбы с враньём и вредной отсебятиной в пропаганде и агитации сами иногда допускают*

дент главной армейской газеты «Красная звезда». С первого дня Великой Отечественной войны на фронте, спецкор «Красной звезды» на Западном, Сталинградском, Юго-Западном фронтах. За добросовестную работу и личное мужество при выполнении профессиональных обязанностей был награжден орденом Красного Знамени (18.02.1943). С 1946 г. работал в журнале «Огонёк». Автор очерков и книг о селе, крестьянстве, сельском хозяйстве. Его сын – известный литератор и диссидент В. К. Буковский. Скончался в Москве 24.04.1976 г.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 19. Л. 21.

в своих выступлениях, высказываниях и даже в печати ложные сообщения и выдуманные факты.

...В газете «Красный Черноморец» в одной из статей было сказано, что на крейсер «Коминтерн» было сброшено больше 1000 бомб, в другой статье той же газеты, помещенной на 2 дня позже, уже говорилось «около 2000 бомб», и оба эти сообщения были неверными. Враньё и ложь в пропаганде, агитации и печати дискредитируют партийно-политическую работу, флотскую печать и наносят исключительный вред делу большевистского воспитания масс.

Эти позорные и вредные явления вранья, в каких бы формах они ни проявлялись, не могут быть терпимы на кораблях и частях Военно-Морского флота и должны быть беспощадно искоренены»¹⁴.

Однако подобные документы коренным образом изменить ситуацию не могли. Легенды и мифы продолжали занимать значительное место в советской периодической печати военной поры, а затем значительная их часть плавно перекочевала в брошюры, книги и даже диссертации, посвященные истории Великой Отечественной. Причин этого несколько, назову лишь две наиболее очевидные, на мой взгляд. Во-первых, значительная часть крупных руководителей, отвечавших за эту отрасль военно-политической работы, считала, что для создания «потемкинских деревень», которым в основном и занималась пропаганда, подобный метод в определенной мере был вполне допустим. Во-вторых, советская военная журналистика испытывала острый дефицит квалифицированных кадров, да и просто хорошо образованных людей. Поэтому с первых дней войны в действующую армию был направлен не только цвет советской литературы, но и значительное число обычных журналистов из сугубо гражданских газет и журналов, которые, естественно, не могли знать всей армейской специфики, да и не горели желанием изучать её в войсках на передовой, под свистом пуль. Поэтому часто именно в тиши кабинетов и рождались статьи со сказочными героическими сюжетами, описывавшие «беспримерные подвиги» воинов Красной армии.

К изучению событий под Курском на документальном материале и доведению первых результатов этой работы до относительно широкой аудитории (старшего командного состава армии) Генеральный штаб приступил тоже осенью 1943 г.

Но вернёмся непосредственно к историографии событий под Курском. Первые обобщающие материалы публикуются в № 1 (за ноябрь) 1943 г. нового издания – «Информационный бюллетень отдела по обобщению опыта войны» и в «Сборнике материалов по изучению опыта войны» (далее «Сборник...»), которые выходили в конце 1943 г. и начале 1944-го. «Сборник...» издавался с 1942 по 1948 г., и по объему, и по диапазону затрагиваемых тем в нем он значительно превосходил «Бюллетень...», хотя целевая аудитория обоих изданий была одна – старший командный состав армии и преподаватели военно-учебных заведений. В № 9, 10 «Сборника...» впервые были опубликованы материалы, посвященные частным операциям в период весенней оперативной паузы (описание боя подразделений 148 сд 13А по захвату опорного пункта Глазуновка в мае 1943 г.), важным эпизодам Курской оборонительной операции (боям 19 тк 2 ТА 7–10 июля 1943 г. на рубеже Самодуровка – Молотычи, прорыву обороны германских войск в районе Орловской дуги), а также применению отдельных видов вооружения и родов войск в битве под Курском (зенитной артиллерии, авиации и т. д.).

Сборник № 11 был тематическим, полностью посвящённым Курской битве. Благодаря обобщению значительного боевого опыта на богатом документальном материале для того времени это был крупный, глубокий труд, состоявший из 10 глав и 27 схем общим объёмом 216 страниц. Изначально его авторы преследовали лишь практическую цель «ознакомить широкие читательские круги генералов и лиц офицерского состава с некоторыми материалами и

---

¹⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17–6 (1–2). Т. 2. М.: ТЕРРА, 1996. С. 42.

*предварительными выводами из этой важнейшей и весьма поучительной операции»*¹⁵. Однако, по сути, эта работа явилась первой попыткой офицеров Генштаба заложить прочный фундамент для дальнейшего научного анализа этого крупнейшего события войны. В «Сборнике...» довольно обстоятельно изложен ход событий, показана их внутренняя взаимосвязь, дана в основном правильная оценка принимавшимся решениям. Прикладной характер исследования в значительной мере избавил авторов от перекосов и натяжек в описании боевых действий на всех участках Курской дуги, в том числе и тех, что в скором времени будут мифологизированы и включены в систему пропаганды достижений советской власти. Например, в описании контрудара¹⁶ 12 июля 1943 г. на Воронежском фронте откровенно указано на ряд существенных неудач и просчётов, допущенных советской стороной. Во-первых, на то, что 5 гв. ТА генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова в этот день задачу не выполнила. Во-вторых, что *«по решению командующего 5-я гвардейская танковая армия наносила фронтальный удар по отборным танковым дивизиям немцев, не имея существенного превосходства в силах, что могло привести в лучшем случае к выталкиванию противника»*¹⁷. И хотя это решение было принято не командармом, а руководством Воронежского фронта и Генштабом (именно они утвердили боевое построение армии и место её развертывания), а перевес в силах над противником в действительности был (и значительный), но использовать его оказалось невозможно из-за условий местности, тем не менее одна из главных ошибок, изначально заложенная в плане подготовки контрудара, в «Сборнике...» указана чётко.

В-третьих, авторы обошли молчанием уже тогда существовавшее мнение о грандиозном танковом сражении под Прохоровкой, в котором участвовали якобы 1500 танков и САУ. Они не стали преувеличивать и без того высокие цифры, приведенные в отчёте 5 гв. ТА, и честно указали, что враг за пять суток боёв (а не за 12 июля 1943 г., как потом будет утверждать П. А. Ротмистров) потерял около 300 танков¹⁸. Хотя и эти данные явно спорные.

В-четвертых, в «Сборнике...» была высказана обоснованная критика и других решений командования Воронежского фронта, связанных с использованием крупных танковых объединений в обороне¹⁹, и приведён большой массив статистического материала. К сожалению, эти и другие объективные оценки не найдут своего отражения в послевоенных работах советских ученых, их место займут победная риторика и дутые цифры.

Вместе с тем это издание стало родоначальником ряда легенд. Например, о якобы использовании немцами противотанковых самоходных орудий «Фердинанд» в полосе Воронежского фронта, в том числе и под Прохоровкой, или о локализации прорыва полосы 5 гв. А в излучине р. Псёл²⁰ двумя бригадами армии Ротмистрова вечером 12 июля 1943 г. Кроме того, в нём не совсем ясно определена причина несвоевременного перехода 19 тк в контрудар 6 июля 1943 г. в полосе Центрального фронта. В одном месте авторы отмечают, что корпус был не готов к выполнению задачи не только утром, но и к полудню из-за отсутствия карт своих минных полей на участке ввода²¹, а чуть ниже – из-за того, что комкор, якобы получив сведения о неудаче соседнего 16 тк, решил воздержаться от атаки²².

¹⁵ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 11. М.: Воениздат, 1944. С. 5.

¹⁶ *Контрудар* – удар, наносимый войсками с целью уничтожения наступающего противника, восстановления утраченного положения, создания условий для перехода в контрнаступление. Он является важнейшим актом оборонительного сражения (операции). В ходе оборонительного сражения могут наноситься один или несколько последовательных контрударов на одном или разных направлениях.

¹⁷ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 11. М.: Воениздат, 1944. С. 150.

¹⁸ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 11. М.: Воениздат, 1944. С. 153.

¹⁹ Там же. С. 155.

²⁰ Там же. С. 148, 157.

²¹ Там же. С. 135.

²² Там же. С. 136.

На основе разработок, включённых в «Сборник...» № 11, который имел гриф «Для служебного пользования»²³, в середине 1944 г. офицером Генштаба подполковником И. В. Паротькиным²⁴ была подготовлена и опубликована в двух номерах «Исторического журнала» работа «Битва под Курском»²⁵, ставшая первой научной статьёй об этом грандиозном событии в открытой печати СССР. В ней довольно подробно были описаны боевые действия и сделана попытка дать ряд важных оперативно-стратегических выводов. Кроме того, благодаря этой публикации в отечественной историографии за боями на Огненной дуге закрепилось название – Курская битва.

В 1943–1945 гг. с целью доведения успехов Красной Армии до широкой армейской и гражданской аудитории военными историками был выпущен ряд небольших книг в мягком переплете, фактически брошюр, о крупных операциях советских сухопутных войск и флота. «Курская битва. Краткий очерк»²⁶, увидевшая свет в 1945 г., как и все издания этой серии, имела строго пропагандистскую направленность, поэтому заметного влияния на осмысление переломного этапа Великой Отечественной войны не оказала. Хотя стала первой отдельной книгой о Курской битве, доступной для обычного читателя. В брошюре давалось лишь поверхностное представление о летних боях. Вместе с тем был приведен ряд ошибочных оценок и неверных фактов, которые до сегодняшнего дня кочуют из издания в издание. Так, её авторы безосновательно утверждали, что, по мнению германского командования, после успешного проведения «Цитадели» *«создадутся выгодные предпосылки для дальнейшего развития наступления немцев в глубь Советского Союза – на Москву»*²⁷. Хотя в известном оперативном приказе № 6 отмечалось, что если обстановка будет развиваться по намеченному плану, то наступать германским войскам следует на юго-восток, то есть в тыл Юго-Западного фронта (операция «Пантера»). Здесь же впервые для широкой аудитории был представлен и миф о «беспримерном» Прохоровском танковом сражении, в котором *«с обеих сторон одновременно участвовало свыше 1500 танков»*²⁸.

Положительным моментом явилось то, что в этой работе впервые в открытой печати была дана периодизация Курской битвы. Авторы разбили её на два этапа: оборонительный период, длившийся с 5 по 23 июля, и наступление – 12 июля – 23 августа, целью которого стал разгром орловской и белгородско-харьковской группировок неприятеля. И хотя сегодня некоторые исследователи справедливо ставят под сомнение 23 августа 1943 г. как день окончания битвы. Потому что к этому времени и Харьков не был полностью очищен от врага, и ахтырская группировка неприятеля не до конца разгромлена. Оба этих события были тесно связаны с операцией «Полководец Румянцев», и бои в этих районах завершились лишь 26–28 авгу-

²³ Не секретные, но и свободного доступ к ним не было.

²⁴ Паротькин Иван Васильевич (1909–1974), генерал-майор (1966), кандидат военных наук (по военной истории). В РККА с 1931 г. В 1937 г. – слушатель, а с 9.05.1940 г. – адъютант ВА им. М. В. Фрунзе. Участник советско-финской войны. С 10.07.1941 г. – в распоряжении зам. наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С. М. Буденного. 30.07.1941 г. назначен помощником начальника оперотдела штаба Юго-Западного направления, а после его расформирования служил в прежней должности в штабе Юго-Западного фронта. С 4.05.1942 г. – старший помощник начальника оперотдела штаба Юго-Западного, затем Донского и Центрального фронтов. 22.03.1943 г. майор И. В. Паротькин направлен в отдел Генштаба по изучению опыта Отечественной войны (начальник – генерал-майор П. П. Вечный), где прослужит до 1960 г. С 11.07.1943 г. назначен научным сотрудником этого отдела. Первое его исследование в новой должности, опубликованное Генштабом, – «Елецкая операция 6–16 декабря 1941 г.», затем в 1944 г. вышла в свет статья «Битва под Курском». За боевые заслуги в годы войны награждён орденами Красная Звезда, Отечественной войны 1-й ст. (13.06.1945) и Отечественной войны 2-й ст. (19.03.1943). В 1952–1954 гг. – слушатель ВА им. К. Е. Ворошилова. С 1961 г. полковник И. В. Паротькин – старший преподаватель, затем зам. начальника кафедры ВА Генштаба, а с 11.03.1968 г. – зам. начальника ИВИ МО СССР.

²⁵ Паротькин И. В. Битва под Курском. Исторический журнал. 1944. № 7, 8.

²⁶ Битва под Курском. Из опыта боёв Отечественной войны / Военно-исторический отдел Генерального штаба Красной армии. М., 1945.

²⁷ Битва под Курском. Из опыта боёв Отечественной войны / Военно-исторический отдел Генерального штаба Красной армии. М., 1945. С. 6.

²⁸ Там же. С. 20.

ста 1943 г. В то же время из этой работы читатель впервые узнал и имя выдающегося полководца, внёсшего большой вклад в разгром гитлеровцев на Огненной дуге. *«Общее руководство действиями наших войск в сражении под Прохоровкой, – отмечали военные историки, – осуществлял представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза А. М. Василевский»*²⁹. По оценке ряда советских исследователей, «Краткий очерк» «довольно длительное время оказывал влияние на разработку истории Курской битвы»³⁰.

В это же время с целью внедрения в войсках опыта по успешному решению конкретных боевых задач частями и подразделениями всех родов войск большими тиражами печатались различные брошюры с описанием тактических примеров и удачных боев, в том числе и в период Курской оборонительной операции. Нацеленность на армейскую аудиторию придавала их материалам две важные особенности. Положительным являлось то, что они готовились только на основе боевых документов, что позволяло авторам описывать события и делать выводы с высокой долей достоверности. Вместе с тем в них обязательно включались положительные и отрицательные примеры действий войск и удачные решения командиров с точной привязкой к местности и упоминанием полных названий населенных пунктов и высот. Этот фактологический материал был ценным для дальнейшего изучения содержания событий под Курском. К сожалению, на тот момент эта литература относилась к разряду секретной и не была доступна для гражданских историков, а те же, кто получал доступ в военные библиотеки, давали подписку о неразглашении данных. Естественно, в таких условиях ни о привлечении этих источников для открытых публикаций, ни об обмене информацией между исследователями речи быть не могло. Это обстоятельство существенно осложняло комплексный анализ событий лета 1943 г. и отсрочило разработку истории Курской битвы. Тем не менее проводившаяся в армии до конца войны большая работа по накоплению и систематизации материала имела важное значение для дальнейшего изучения как Великой Отечественной войны в целом, так и сражений под Курском в частности, в силу её прямой связи с практической боевой деятельностью войск. Именно в это время был создан мощный фундамент для развития советской военной исторической науки на более высокой ступени развития.

Вместе с тем нельзя не отметить и ряд отрицательных факторов, которые в это время серьёзно влияли и на качество, и на масштаб исследований военных историков. Во-первых, это узость базы источников. Работа велась в основном с отчётными материалами, поступившими из войск сразу после операций. Во-вторых, малочисленность военно-исторических органов: по сути, он был один, работающий на реальный результат (публикации, лекции и т. д.), – это отдел Генштаба, в котором числилось лишь 15 старших офицеров. Невысокий уровень квалификации его сотрудников (в большинстве своем это были обычные строевые офицеры, имевшие определенный уровень образования и боевой опыт) и отсутствие у них необходимых навыков для обобщения информации о крупных (стратегических) операциях. В документах первого Всеармейского совещания сотрудников военно-исторических отделов в Москве осенью 1943 г. отмечалось: *«Вопросу подбора и выраживания кадров не везде уделяется достаточно внимания. Нередко к изучению опыта войны привлекаются офицеры со слабой оперативно-тактической подготовкой. Конечно, в условиях военного времени исключается возможность полностью обеспечить изучение опыта войны подготовленными к исследовательской работе офицерами. Поэтому назначенным на эту работу молодым офицерам нужно оказать на первых порах повседневную практическую помощь. Между тем старшие начальники, к сожалению, делают это не везде»*.

²⁹ Битва под Курском. Из опыта боёв Отечественной войны / Военно-исторический отдел Генерального штаба Красной армии. М., 1945. С. 20.

³⁰ Военно-исторический журнал. 1963. № 7. С. 98.

Типичным является некомплект офицеров групп по изучению и использованию опыта войны в штабах фронтов и армий в пределах 25 %.

Обращает также на себя внимание и тот факт, что инициативная, творческая работа офицеров-опытников³¹ не всегда находит должную оценку и поддержку со стороны старших начальников»³².

Кроме того, существенное отрицательное влияние оказывал культ личности. Например, авторы книги «В боях за Орёл» основной причиной победы в битве на Огненной дуге называли *«глубоко продуманные, до предела точные и реальные планы нашего Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина»³³*. Этот тезис красной нитью проходит практически через все публикации конца 1940 – начала 1950-х гг. Он лишал историков возможности реально оценивать планы советского командования не только на стратегическом, но и на оперативном уровне, события и результаты боевой работы Красной армии в ходе битвы, а тем более высказывать какие либо критические замечания. *«В целом же, – писал ведущий советский специалист по Курской битве полковник Г. А. Колтунов, – для всей вышедшей в годы войны литературы по истории Курской битвы характерно было то, что в ней эта битва показывалась как одно из важнейших этапов на пути полного разгрома немецко-фашистских захватчиков. События рассматривались в самых общих чертах... во всех работах опускалось соотношение сил и содержание боевых приказов. Мало уделялось внимания и вопросам военного искусства»³⁴.*

Сразу после разгрома нацистской Германии обобщение опыта войны продолжилось, но уже на более высоком уровне. Руководство Вооруженных Сил СССР считало его важным средством по совершенствованию форм и методов управления войсками. Заметно увеличилось число военно-исторических отделов в штабах родов войск. К этому процессу активно подключились военно-учебные заведения. Так, например, только в одной из ведущих военных академий – им. М. В. Фрунзе – в 1947–1950 гг. предмету «История военного искусства» в программе подготовки строевых офицеров отводилось 550 академических часов. Для сравнения: в учебном плане Академии Генерального штаба РФ на 2010 г. – только 124 часа³⁵. Специально для подготовки военных историков и повышения их квалификации в этой академии был создан военно-исторический факультет, на котором в первые 5–6 лет после окончания войны прошли подготовку ряд офицеров-фронтовиков, впоследствии сформировавших небольшую когорту ученых, которым будет суждено начать масштабную работу по разработке истории Курской битвы. Среди них в первую очередь следует назвать генерал-майора И. В. Пароткина, полковников Г. А. Колтунова, И. И. Маркина, Д. М. Палевича, Б. Г. Соловьева.

Главным координирующим центром военно-исторической работы по-прежнему оставался Генеральный штаб, но его деятельность в этом направлении приобрела больший масштаб и планомерный характер, в первую очередь благодаря проведенной реорганизации. На базе отдела было сформировано военно-историческое управление, ставшее центром научного анализа боевых операций Великой Отечественной войны. В 1946–1947 гг. его сотрудниками была предпринята первая и, к сожалению, последняя попытка подготовить фундаментальный научный труд по истории Курской битвы и опубликовать его в виде многотомного издания. Рукопись готовилась на основе материалов отдела по обобщению и использованию опыта Отече-

³¹ Так в обиходе именовались офицеры отделов и групп по изучению и использованию опыта войны в штабах действующей армии.

³² Информационный бюллетень. Отдел по использованию опыта войны Генерального штаба. 1943. № 1. С. 6, 7.

³³ В боях за Орёл / Под общей редакцией Н. А. Таленского. М.: Госполитиздат, 1944. С. 29.

³⁴ Колтунов Г. А. Военно-историческая литература о битве под Курском // Военно-исторический журнал. 1963. № 7. С. 97, 98.

³⁵ Гареев М. А. Сражения на военно-исторических фронтах / Сборник статей. М.: ИНСАН, 2010. С. 22.

ственной войны Генштаба под руководством генерал-майора П. П. Вечного³⁶ за 1943–1945 гг. с привлечением значительного числа новых документов, отличалась большой степенью детализации боевых действий на уровне полк – дивизия и насыщенностью статистическими данными. В ней впервые была дана периодизация некоторых сражений, в частности Прохоровского, которая довольно точно отражает суть происходившего летом 1943 г. в районе Курска. Однако авторы не использовали документы по стратегическому планированию (Генштаба и Ставки ВГК), а также мало привлекали трофейные источники. Это не позволило подробно и достоверно раскрыть суть плана «Цитадель», дальнейший замысел противника в случае его успеха, дать точную оценку численности и качества привлекавшихся вермахтом частей и соединений для её реализации и их потери как на отдельных этапах, так и в ходе битвы в целом, а также провести всесторонний анализ ключевых стратегических решений противоборствующих сторон. Вероятно, поэтому в исследовании не был найден баланс между материалом описательного и обобщающего характера.

Некритичный подход к имевшимся в распоряжении авторов источникам (главным образом отчётному материалу) привел к тому, что в работе был допущен ряд ошибок, преувеличение сил сторон в ходе некоторых сражений (например, 12 июля 1943 г. под Прохоровкой), недостаточно тщательно проработаны отдельные аспекты важных событий битвы (неверно изложены действия 5 гв. ТА 10 июля 1943 г.), отсутствовали развернутые выводы и оценки по результатам ряда ключевых боёв и важных мероприятий командования армий и фронтов. Вместе с тем, как справедливо отметил при обсуждении этого труда в мае 1948 г. на совещании в Генштабе полковник В. А. Савин, авторы также попытались сгладить отрицательные стороны и ошибки, допущенные советской стороной на всех стадиях этого грандиозного события³⁷.

Первоначально предполагалось, что результаты этой работы будут основой для много-томного издания, и после доработки представленный материал вполне мог претендовать на это. Рукопись офицеров Генштаба стала первым и единственным за весь послевоенный период фундаментальным научным трудом по истории Курской битвы в нашей стране, да к тому же с минимальной идеологической составляющей. Однако из-за того, что авторы представили Курскую битву не как грандиозное военно-историческое событие Второй мировой войны и всемирной военной истории, в котором Советский Союз играл ключевую роль, а лишь как успешную боевую операцию Красной армии, это не позволило реализовать первоначальный замысел и опубликовать рукопись. Хотя материалы из неё (выводы, факты, статистические данные) широко использовались в трудах советских военных историков вплоть до начала 1990-х гг., по причине секретности ссылки на неё при публикации в открытой печати не давались.

Прекращение работы группы и возвращение уже почти готового труда в Генштаб крайне негативно повлияли как на разработку истории Курской битвы, так и на всю деятельность военных и гражданских учёных по разработке проблем истории войны. Стремление властных структур сохранить прежнее представление общества о Великой Отечественной, применять в идеологической работе устаревшие, не отвечающие требованиям мирного времени конструкции и образы, сформированные пропагандистским аппаратом в 1941–1945 гг., использование военной тематики как наиболее выигрышной в пропагандистской работе, а также недоступность боевых документов для научных исследований, по-прежнему находившихся на секретном хранении, не позволили начать глубокую разработку истории Курской битвы в первые

³⁶ Вечный *Петр Пантелеймонович* (1891–1957), генерал-лейтенант (1944), кандидат военных наук, доцент. Участник Первой мировой войны, прапорщик. В Красной армии с 1918 г. В 1940 г. – генерал-майор, начальник 2-го отдела Управления боевой подготовка Красной армии. С 03. по 05. 1942 г. являлся начальником штаба Крымского фронта. После его разгрома назначен начальником отдела Генштаба по изучению и использованию опыта Отечественной войны. С 12. 1943 г. и до конца войны – начальник штаба 47 А. С 1946 г. – начальник управления по изучению и использованию опыта Отечественной войны Генштаба, а также научно-исследовательского отдела и ученый секретарь Ученого совета Военной академии им. М. В. Фрунзе. Награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени (1930) и орденом Кутузова 1-й ст. (1944). Скончался в Москве.

³⁷ Сборник материалов военно-исторического управления Генерального штаба ВС. Вып. 1. М., 1949. С. 154.

десять лет после её завершения. В это время вся тема войны фактически была выведена из сферы гражданской исторической науки и отдана на откуп органам пропаганды, а наработки военных скрыты под грифом секретности. Широкая общественность получала информацию о ней лишь из куцых публикаций сомнительного качества, приуроченных к годовщинам победы в ней в таких специфических изданиях, как «Пропагандист и агитатор Министерства обороны СССР», «Блокнот агитатора Советской Армии», «Красный воин» и т. п. Поэтому собранный и обобщенный офицерами Генштаба 1945–1947 гг. огромный массив информации был в то время и остаётся сегодня наиболее полным описанием событий оборонительной и наступательной фаз Курской битвы.

Сразу после войны управление Генштаба по обобщению опыта войны предприняло первый шаг для формирования широкой базы документальных источников, в том числе и трофейных, по истории минувшей войны, которая могла быть доступна для обычных офицера-исследователя и командира, которые хотели изучать и использовать боевой опыт. С 1947 г. начали печататься тематические «Сборники боевых документов Великой Отечественной войны»³⁸, в которых помещалась документация штабов войск действующей армии по боевым операциям за 1941–1945 гг. До 1960 г., когда их издание было прекращено, всего вышло 43 выпуска, однако документов, относящихся к событиям Курской битвы, в этих изданиях оказалось очень мало. В это же время (в 1947 г.) был издан ещё один ценный блок первоисточников – сборник «Доклады генерал-инспектора танковых войск Гудериана»³⁹, освещавший в том числе и проблемы с производством и передачей в войска бронетехники перед операцией «Цитадель». Однако, несмотря на то что в этом документе содержался очень важный и интересный материал, советскими учеными при анализе событий лета 1943 г. он использовался крайне редко, забыт он и российскими историками. Хотя доклады позволяют по-иному взглянуть на процесс подготовки наступления на Курск и дать ответы на ряд важных вопросов по истории Курской битвы, в частности: «Что явилось основной причиной переноса начала операции «Цитадель» в первой декаде мая 1943 г.?»

Впервые для широкой аудитории официальная версия истории Курской битвы была изложена в 24-м томе Большой Советской Энциклопедии. Содержание статьи, посвященной летним боям, не выделялось чем-то особым на фоне других изданий, да и была она очень небольшой⁴⁰. В ней кратко суммировались уже известные данные, повторялись типичные для того времени ошибки и преувеличения. Например, утверждалось, что 4-я немецкая танковая армия ГА «Юг» наступала на Курск в составе трёх танковых корпусов, хотя в действительности их у неё было только два, а контрудар 12 июля 1943 г. Воронежского фронта трактовался как контрнаступление⁴¹. Главной особенностью статьи в энциклопедии было то, что она впервые в фундаментальном издании закрепила ключевой аспект мифа о событиях под Прохоровкой – 1500 танков, которые якобы участвовали в бою у этой станции 12 июля. Причём чётко оговаривалось, что вся эта бронетехника действовала в двух районах: западнее и южнее станции. Эта важная деталь в последующие годы будет часто опускаться, что постепенно сформирует в общественном мнении представление (и оно намеренно будет подпитываться некоторыми авторами), будто бы вся эта армада вела бой лишь западнее Прохоровки, на небольшом, изре-

³⁸ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 1–43. М.: Воениздат, 1947–1960.

³⁹ Доклады генерал-инспектора танковых войск Гудериана. М.: ВНУ ГШ ВС СССР, 1947.

⁴⁰ Большая Советская Энциклопедия. Т. 24. М., 1953. С. 114.

⁴¹ *Контрнаступление* – переход от обороны в решительное наступления с целью разгрома наступающего противника, ослабленного в предыдущих боях и лишившегося в предыдущих боях способности развивать дальнейшее наступление. Оно подготавливается в ходе оборонительного сражения, когда обороняющаяся сторона, в максимальной степени истощив и обескровив наступающую группировку противника, сумела в то же время сосредоточить достаточные силы для перехода к решительным наступательным действиям.

занном непроходимыми балками клочке земли, где не то что полутора тысячам, нескольким сотням боевых машин развернутся невозможно было.

В конце 1940-х и начале 1950-х гг. благодаря хотя и с трудом, но проводившейся исследовательской работе и накопленным знаниям стали появляться первые книги по истории Великой Отечественной войны. В них затрагивались и события под Курском. Однако в этих трудах даже крупные операции описывались схематично, в них присутствовали ошибочные трактовки планов противника, ничем не подкрепленные, существенно завышенные цифры сил и средств⁴². Таким образом, сразу после завершения войны серьезных научных трудов о Курской битве в нашей стране издано не было. Вся открытая литература носила поверхностно-описательный характер, без глубокого критического анализа и была призвана лишь доносить до советских людей определенный ещё в «Кратком очерке» объём строго дозированной информации.

Причин этого несколько, главными, оказывавшими наиболее существенное влияние на протяжении всего послевоенного периода, были две: идеологическая целесообразность и личные пристрастия первых лиц СССР, их оценки событий минувшего. До начала 1953 г. изучение Великой Отечественной находилось в «замороженном состоянии», анализом её отдельных аспектов в прикладных целях занимались лишь военные. Сразу после победы И. В. Сталин запретил издание любых сборников воспоминаний и исследований о войне для широкой аудитории, аргументируя это тем, что прошло мало времени и объективно оценить столь грандиозное событие пока невозможно⁴³. В действительности же вождь хотел как можно быстрее забыть, «сдать в архив» всё, что было связано с периодом 1941–1945 гг., когда им лично было допущено столько крупных ошибок и просчётов. Напомню, именно в это время 9 мая перестаёт быть «красным днем календаря». Естественно, в такой обстановке не могло быть и речи о подготовке и публикации крупных научных работ о событиях лета 1943 г.

С середины 1950-х гг. страна начала подниматься из руин, общество постепенно «оттаивало» и интерес к недавнему прошлому заметно усилился. Важным «индикатором» этого стало появление мемуарной литературы и рост её тиражей в последующие годы. Однако в это время государственные органы, имевшие отношение к исторической науке и её пропаганде, основное внимание уделяли освещению первого периода войны, Московской и особенно Сталинградской битвам. Причина и колоссальное влияние тех событий на исход борьбы с фашизмом и их трагический окрас, а главное – многие из ключевых фигур тогдашнего политического руководства Советского Союза и армии имели к ним прямое отношение, считали участие в них существенной вехой своей карьеры. Вот лишь два примера того, какое пристальное внимание придавалось мощнейшей государственной структурой СССР – Министерством обороны во главе с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым. Из записки Г. К. Жукова и А. Д. Соколовского от 23 мая 1955 г. в ЦК КПСС об изменении наименования первого периода Великой Отечественной войны: *«В январе месяце с/г Министерством обороны на рассмотрение Президиума ЦК КПСС было внесено ходатайство об изменении существующего наименования первого периода Великой Отечественной войны. В настоящее время этот период носит наименование «Активная оборона Советских Вооруженных Сил». Учитывая, что такое наименование приводит к неверному представлению о характере действий советских войск в 1941–42 гг. и что оно противоречит принятому у нас понятию содержания активной обороны, министерство просило ЦК КПСС одобрить следующее наименование первого периода: «Срыв замыслов «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза и создание условий для коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны»... Министерство обороны, обсудив этот вопрос на коллегии, пришло к заключению, что предложенное наименование также не*

⁴² Напр.: Воробьёв Ф. Д., Кравцов В. М. Победы советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1954.

⁴³ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1988. С. 306.

является исчерпывающим, поскольку оно не отражает характера событий первого периода войны и содержит только его военно-политический итог. Это может породить неправильное представление о содержании военных событий того времени и той тяжелой обстановки, в которой они протекали»⁴⁴.

Чуть позже, 14 июня, Г. К. Жуков направляет в ЦК КПСС новую записку по военно-исторической тематике, в которой справедливо указывал, что «за десять лет, прошедших после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., у нас в стране не создано ни одного значительного памятника, который отобразил бы великие подвиги советского народа и его армии, совершенные в борьбе с фашизмом за свободу и независимость нашей Родины». Он предлагал возвести величественные монументы в честь защитников Москвы, Подмосковья, Ленинграда, Севастополя и даже Одессы. При этом трудовой подвиг гражданского населения и боевой – бойцов действующей армии в ходе Курской битвы маршал почему-то обошёл молчанием. Ситуация начала заметно меняться лишь в конце 1950-х, но об этом разговор впереди.

Рассматриваемая некоторыми исследователями как некий переломный рубеж в развитии истории Курской битвы книга И. И. Маркина⁴⁵ «Курская битва», вышедшая в 1953 г., не несла ничего принципиально нового. В это время её автор служил в редакции ведущего армейского научного журнала «Военная мысль», который издавался Генеральным штабом, и эта работа была выполнена, безусловно, по заданию его руководства. Тем не менее даже с большой натяжкой её трудно назвать научным трудом. Подготовленная на скудной источниковой базе, с привлечением значительного массива пропагандистского материала, такого, как статьи газеты «Правда», сборник И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» и т. д., она почти полностью повторяла очерк офицеров Генштаба 1945 года, со всеми его ошибками и преувеличениями в оценках отдельных событий. Например, в приведенной в ней схеме, отражавшей план немецкого командования на лето 1943 г., безосновательно указано, что после захвата Курска и окружения войск Центрального и Воронежского фронтов Берлин планировал нанести удар в обход Москвы с востока⁴⁶. Хотя ни тогда, ни сейчас исследователям не известен ни один документ, который бы мог это подтвердить. Главное, что автору удалось сделать благодаря своей книге (сознательно или нет), – вывести миф о «беспримерном» танковом сражении под Прохоровкой на всесоюзную читательскую аудиторию. Это впоследствии позволило придать легенде статус официальной точки зрения.

Тем не менее работа И. И. Маркина явилась заметным событием в общественной жизни страны. Она попала на благодатную почву. В это время в обществе и военной среде начал формироваться запрос на новый образ советского полководца, уже не героя Гражданской, а победителя в Великой Отечественной войне. Существовавшая же библиография, в том числе и по Курской битве, была очень скудной, а архивы по-прежнему закрыты, поэтому информация из книги была востребована, приведённые в ней данные широко использовались и в научной, и в мемуарной литературе, а также в газетных и журнальных публикациях⁴⁷. Особенно в преддверии знаменательных дат.

⁴⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 69. Л. 14, 15.

⁴⁵ Маркин Илья Иванович (1919–19?), полковник (1952). В Красной армии с 1937 г. Участник боев у р. Халхин-Гол. На фронтах Великой Отечественной войны с 08.1941 г., в должности командира пулеметной роты, затем стрелкового батальона 480 сп 152 сд сражался на Западном фронте. Под Смоленском легко ранен и контужен. С 17.11.1941 г. – слушатель курсов при ВА им. Фрунзе. В составе отряда курсантов защищал Москву. 3.05.1942 г. – старший помощник начальника оперативного отделения оперотдела штаб 9-й резервной, затем 24 А (с 13.04.1943 г.) – 4 гв. А. Участвовал в Сталинградской и Курской битвах, освобождении Молдавии. В сентябре 1943 г. получил тяжелое ранение под Полтавой. С 25.03.1945 г. и до конца войны – зам. начальника оперативного отдела штаба 4-ой гв. А. Войну закончил в звании майора, был награжден орденами Красного Знамени, Красною Звезды, двумя орденами Отечественной войны 1-й ст. и медалями. 14.08.1946–24.04.1951 г. служил в управлении боевой подготовки Главкомата Сухопутных войск. В 1948 г. заочно окончил ВА им. Фрунзе. 3.05.1951–24.06.1945 г. – научный сотрудник редакции журнала «Военная мысль». В 1954 г. уволен в запас по сокращению штатов.

⁴⁶ Маркин И. И. Курская битва. М.: Воениздат, 1953. С. 16.

⁴⁷ Напр.: Селиванова Ф. Курская битва. 1956; Курская битва. Из воспоминаний участников. Курск: Курское книжное

Отечественные историки редко обращают внимание на второе, переработанное издание труда И. И. Маркина, вышедшее в 1958 г. под тем же названием. Иногда его путают с первым, а ведь это была совершенно иная книга. Она почти в два раза увеличилась в объёме и существенно изменилась по содержанию. Её отличительной особенностью и в то же время сильной стороной стало привлечение автором советских боевых документов и трофейных материалов (в первом издании даже ссылок на военные архивы не было). А также использование при изложении хода боевых действий, особенно итогов Курской битвы, информации из мемуаров немецких генералов и фельдмаршалов, например Э. фон Манштейна. Для того времени такой подход был новаторским, именно он позволил создать первое (за весь послевоенный период) достаточно подробное, вполне достоверное и интересное произведение, рассчитанное на широкую читательскую аудиторию.

Нельзя не отметить ещё одну положительную сторону второй книги. С середины 1950-х гг. в среде военных сторонников критического подхода к официальной оценке сражения за Прохоровку как беспримерного становилось всё больше. И. И. Маркин эту тенденцию учёл и удалил из своей работы пассаж о 1500 танков, которые якобы участвовали в бою у станции 12 июля 1943 г. Это ясно свидетельствовало, что автор, сам прошедший горнило войны, не был склонен к тиражированию мифов и при разработке данной темы искренне стремился к подлинно научному подходу. Даже если была опасность навлечь на себя гнев участников сражения, которые в это время занимали высокие посты в Вооруженных Силах СССР.

Опубликованные в 1954–1955 гг. книги С. Голикова *«Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне»*, сборник *«Очерки истории Великой Отечественной войны»*, а также художественное произведение М. Г. Брагина *«Путь генерала»*, не претендовали на полноту освещения темы, но существенно дополнили труд И. И. Маркина. Необычным в этом ряду было повествование М. Г. Брагина. Он рассказал об одном из самых талантливых советских полководцах – генерале армии Н. Ф. Ватутине, командующем Воронежским фронтом в период боёв за Курск, деятельность которого и сегодня, к сожалению, до конца не изучена и по достоинству не оценена исследователями. Это было единственное произведение подобного рода в нашей стране. Для придания достоверности описываемым событиям в его основу автор положил подлинные документы (хотя в издании и не всегда указывалось их происхождение), например, протоколы допросов военнопленных корпуса СС, участвовавших в Прохоровском сражении. Книга удачно дополняла документальные издания, расширяя представление общества и о событиях лета 1943 г., и войны в целом.

В это время некоторые события под Курском нашли своё отражение и в диссертационных исследованиях военных учёных. Важной как для понимания замысла командования Воронежским фронтом при отражении наступления ГА «Юг», так и для очищения историографии битвы от мифов, стала диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, преподавателя Военно-политической академии им. Ленина полковника Д. Я. Палевича на тему *«Контрудар 5-й гвардейской танковой армии под Прохоровкой в июле 1943 г.»*⁴⁸, защищенная в конце 1952 г. Опираясь на внушительный документальный материал и собственный боевой опыт, её автор утверждал, что за три дня боёв 5 гв. ТА уничтожила под Прохоровкой свыше 150 немецких танков⁴⁹. Вывод для того времени почти революционный. Если учесть, что автор продолжал службу в вооруженных силах, а в открытой печати, в том числе и в очерке офицеров Генштаба за 1945 г., уже была опубликована существенно завышенная и ничем не подкрепленная цифра – более 400 уничтоженных танков противника только за 12 июля 1943 г.

издательство, 1959.

⁴⁸ Палевич Д. Я. Контрудар 5-й гвардейской танковой армии под Прохоровкой в июле 1943 года. Дис... канд. ист. наук. М., 1952.

⁴⁹ Архив штаба БТ и МВ Советской армии. Д. 102. Ч. 1. Л. 91 (автору не удалось прочесть диссертацию в полном объёме, смог ознакомиться лишь с несколькими страницами).

Вместе с тем в это время военные ученые продолжали активно вводить в научный оборот важную информацию из ранее неизвестных трофейных источников. Ценными для исследователей стали изданные в 1955–1957 гг. пять выпусков сборника о составе германских войск на Восточном фронте и их перегруппировках. Они помогали определять состояние сил противника, до бригады включительно, в каждый день войны во всех районах боевых действий, а также прослеживать все изменения на уровне армий и групп армий⁵⁰.

Но и диссертация Д. Я. Палевича, и сборники документов, как и остальные труды военных учёных, имели гриф «Для служебного пользования» и не могли быть опубликованы в открытой печати. Этим долгое время успешно пользовались органы пропаганды, а также недобросовестные авторы, навязывая обществу всякого рода небылицы.

Завершая обзор первого периода историографии, нельзя не упомянуть важную тенденцию, возникшую в первой половине 1950-х гг. Сразу после смерти И. В. Сталина в СССР начинают печататься книги генералов и фельдмаршалов гитлеровской Германии. Причем первыми увидели свет работы тех, кто по долгу службы в вермахте имел отношение к Курской битве. Так, в 1954 г. печатаются мемуары творца германских бронетанковых войск, участника планирования и подготовки операции «Цитадель» Г. Гудериана «Воспоминания немецкого генерала»⁵¹, а через три года Воениздат выпускает сразу две книги воспоминаний бывших: командующего ГА «Юг» Э. фон Манштейна «*Утерянные победы*»⁵² и начальника штаба 48 тк генерала Ф. фон Меллентина «*Танковые сражения 1939–1945*»⁵³. Несмотря на то что эти книги (на русском языке) имели гриф «Для служебного пользования»⁵⁴, их появление сыграло положительную роль в расширении представления советских учёных о событиях лета 1943 г. Благодаря им впервые был приоткрыт занавес над процессом подготовки «Цитадели», а также стали известны мнения и оценки ключевых фигур вермахта по ряду важных проблем планирования и проведения летней кампании 1943 г. Интересны были и оценки уровня подготовки личного состава Красной армии, прежде всего её командования, сильных и слабых сторон советских войск нашим бывшим противником. И хотя советские историки в то время были обязаны только «искать соринки во вражеском глазу», тем не менее это был ценный материал как для научного анализа всего, что было связано с Курской битвой, так и для конструктивной критики «идеологических противников». Эта положительная тенденция сохранялась и в последующие годы, но в 1960–1980 гг. у нас издавались, к сожалению, лишь мемуары авторов, которые не участвовали в сражениях под Курском. Тем не менее в условиях крайнего дефицита информации о военной организации нацистской Германии эти труды стали важным источником для наших ученых, в том числе и по исследуемой нами тематике.

Подводя некоторые итоги работы отечественных ученых по изучению Курской битвы за 14 лет, прошедших с момента её завершения, следует отметить две важные разнонаправленные тенденции, возникшие в это время. Во-первых, военными историками была проделана, безусловно, большая работа по обобщению документального материала (в том числе и трофейных источников) и первичному анализу событий. Наиболее существенным результатом этого явился двухтомник, подготовленный офицерами Генштаба. Созданная основа позволяла даже в условиях жёстких идеологических рамок, изоляции от западных исследований и основной массы трофейных источников перейти на новый качественный уровень – к изучению стратеги-

⁵⁰ Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших её сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. Вып. 1–5. М., 1955–1957.

⁵¹ Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1941. М.: Воениздат, 1954.

⁵² Манштейн Э. Утерянные победы. М.: Воениздат, 1957.

⁵³ Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945. М.: Воениздат, 1957.

⁵⁴ Не секретные, но и свободного доступа к ним не было.

ческих проблем, решавшихся в Москве и Берлине в апреле – июне 1943 г., и подготовке фундаментального научного труда не только в интересах армии, но и для широкого круга читателей.

Во-вторых, в связи со смертью И. В. Сталина и последовавшими за этим событиями в руководстве армией изменилось отношение к военно-исторической науке вообще и к работе по обобщению опыта Великой Отечественной войны в частности. Она была признана неактуальной. В конце 1953-го – в первой половине 1954 г. произошло существенное сокращение военно-исторических структур и кафедр истории войны и военного искусства в военных учебных заведениях. Значительная часть квалифицированных кадров была уволена или направлена в другие сферы деятельности.

Учитывая, что настоящие научные исследования в это время проводились исключительно военными, изучение Курской битвы также было в основном свёрнуто, а авторы работ, вышедших из печати между 1954 и 1958 гг., использовали уже имевшиеся наработки. Например, многотомный труд «Курс лекций по военному искусству», изданный Академией им. Фрунзе. В его шестом томе (опубликован в 1957 г.) приведён анализ контрудара войск Центрального фронта 6 июля 1943 г.

Второй период (1957–1971 гг.) в историографии битвы под Курском начался через год после знаменитого XX съезда КПСС, который открыл недолгий, но динамичный и интересный отрезок в общественной жизни страны, получивший название «хрущёвская оттепель». Историческая наука в это время характеризовалась разнонаправленностью тенденций в изучении как всей войны, так и отдельных её битв и сражений. С одной стороны, заметно увеличились масштаб и качество военно-исторических исследований, начали формироваться новые подходы к изучению событий 1941–1945 гг. Расширились направления научной работы учёных, увеличилась проблематика их публикаций, в научный оборот активно начали вводиться новые документальные источники, в том числе и важные трофейные материалы, что способствовало накоплению значительного объема знаний и о Курской битве. Важной чертой этого периода стал некоторый отход советских историков от одностороннего показа событий, анализ боевых действий в развитии с привлечением зарубежных открытых источников, в том числе проблем и просчётов, допущенных при планировании и проведении стратегических операций как политическим руководством страны, так и армейским командованием на всех уровнях. Вместе с тем к его завершению чётко обозначилась тенденция отхода от принципов, выработанных в период «оттепели». Вместо вскрытия проблем, влиявших на ход боевых действий, анализа их причин и того, как они исправлялись, историки в своих книгах и публикациях перешли к «сглаживанию острых углов» и наведению «победного лоска». Эти тенденции отмечались и в работах, посвященных крупным проблемам событий лета 1943 г.

Следует особо подчеркнуть: решения XX съезда КПСС лишь наметили возможные пути изменения жизни огромной страны, но сам процесс перемен шёл робко, с оглядкой, под жёстким контролем партии. Поэтому все большие проблемы, в том числе и в области общественных наук, как и раньше, решались только директивным путём. Ключевую роль в активизации исследований о Курской битве сыграло заявление первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва, сделанное им на партийном пленуме в октябре 1957 г. В выступлении на этом представительном форуме, где глава государства наглядно продемонстрировал свою силу в борьбе за абсолютную власть, отправив в отставку министра обороны СССР маршала Советского Союза Г. К. Жукова, обладавшего большим авторитетом, коснулся и ряда аспектов недавнего прошлого. Никита Сергеевич, сам участник битвы на Огненной дуге, счёл необходимым высказать своё мнение и о том, «в каком ключе» следует рассматривать крупные вопросы истории Великой Отечественной, которые по-прежнему оставались важным фактором общественно-политической жизни страны, а значит, и идеологической работы партии. *«После Сталинграда началось наступление наших войск, по-другому протекала битва по окончательному разгрому врага, — подчеркнул он. — Но мне кажется, что окончательное превосходство и перелом в войне были*

достигнуты в 1943 году, в сражении на Курской дуге»⁵⁵. Это был сигнал всему чиновничьему аппарату, и прежде всего идеологическим структурам, в каком направлении следует усилить свою деятельность. С учетом мнения первого секретаря уже в 1958 г. было оперативно подготовлено и принято Постановление ЦК КПСС об издании шеститомной истории Великой Отечественной войны, в которой этой теме будет придано подобающее значение. Практически сразу же после пленума появится на свет и уже упомянутое переиздание книги И. И. Маркина.

Поэтому, по моему мнению, именно с октября 1957 г. следует вести отсчёт того бурного (относительно прошлых лет), а главное – плодотворного процесса изучения и популяризации истории событий под Курском, который шел последующее десятилетие. Причем не только зарождение этого процесса, но и его развитие довольно продолжительное время было бы невозможно без личной заинтересованности главы Коммунистической партии и Советского государства. Если сравнивать Н. С. Хрущева с его будущим преемником, то он был человеком довольно скромным: полководческими орденами «Победа» себя не награждал, как получил в 1943 г. воинское звание генерал-лейтенант, так в этом же звании и ушёл на заслуженный отдых. Тем не менее к своему боевому прошлому и участию в битвах минувшей войны он относился с большим трепетом. Ревностно следил за тем, как оно освещается в печати, даже в закрытых брошюрках, изданных крохотными тиражами. И если считал, что его вклад в победу отмечен недостойно, разности устраивал нешуточные, на уровне правительства. Наглядным примером может служить ЧП, случившееся летом 1956 г. в ходе подготовки приёма зарубежной делегации. Из докладной записки министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в адрес Н. С. Хрущева от 30 июня 1956 г.: «При организации экскурсии для военно-воздушных делегаций иностранных государств в г. Сталинград встал вопрос: как быть, если делегации попросят дать им что-либо почитать о Сталинградской битве? Имеющиеся у нас грифованные⁵⁶ и открытые труды по соображениям цензурного порядка, а также потому, что они пропитаны культом личности Сталина, не могли быть даны иностранцам, а отказ им в этом мог поставить нас и гостей в неловкое положение. В связи с этим Военно-историческим отделом Генерального штаба была подготовлена краткая историческая справка о битве под Сталинградом. Подготовили справку полковники Паротькин И. В. и Морозов В. П. Верстку просматривали генерал-лейтенант Платонов С. П., генерал-лейтенант Скоробогаткин К. Ф., генерал-майор Сычев К. В., генерал-полковник Покровский А. П. и генерал армии Курасов В. В.

Справка была издана в виде краткого очерка в количестве 200 экземпляров, из которых около 70 экземпляров было вручено членам делегаций. В продажу очерк не поступал. По содержанию очерк представляет собой тезисы, излагающие в общих чертах ход событий Сталинградской битвы, без анализа этих событий и выводов.

При написании очерка авторы и лица, просматривавшие рукопись, не подчеркнули роль руководящего состава в достижении победы под Сталинградом и при названии фронтов ограничили упоминанием в очерке только фамилий командующих фронтами, представителей Ставки Верховного Главнокомандования и членов Государственного Комитета Обороны.

Вследствие этого оказалась неотмеченной в очерке Ваша большая работа на фронте, направленная на достижение победы в Сталинградской битве.

Однако, как доложил мне сопровождавший военно-авиационные делегации США, Великобритании, Франции и Турции в Сталинград первый заместитель начальника Генерального штаба генерал армии Малинин М. С., при посещении Музея обороны Царицына – Сталинграда внимание членов делегаций было обращено на имеющуюся в музее увеличенную фоторепродукцию, на которой изображено Ваше выступление перед бойцами Сталинградского фронта в

⁵⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 272. Л. 37 обр.

⁵⁶ Имевшие гриф «Секретно» или «для служебного пользования».

августе 1942 г. Членам делегаций было сообщено, что в период Сталинградской битвы Хрущев Н. С. был членом Военного совета Сталинградского и Юго-Восточного фронтов.

Полагал бы целесообразным изданный очерк исправить и, если с Вашей стороны не будет возражений, во втором издании очерка отметить Вашу большую организаторскую, политическую, военную и хозяйственную работу, направленную на истощение и разгром врага под Сталинградом.

Одновременно с внесением такого дополнения намечается несколько развить военную часть очерка, а также упомянуть фамилии первых членов военных советов фронтов, участвовавших в Сталинградской битве. В новой редакции очерк отпечатать тиражом 20–25 тысяч экземпляров и распространить путем открытой продажи через книжоторговую сеть. Прошу Вашего согласия на издание краткого очерка «Битва под Сталинградом» с указанным дополнением и поправками»⁵⁷.

Зная эту особенность первого секретаря ЦК КПСС, не только «ближний круг», но и вся бюрократическая система после пленума уже без дополнительных напоминаний заработала в указанном направлении. В следующем десятилетии тема Курской битвы стала одной из самых обсуждаемых в советской литературе и СМИ, причем не только благодаря отмеченному аспекту и её огромной роли в разгроме фашизма. На это существенно влиял и идеологический фактор. Дело в том, что в период «хрущевской оттепели» советскому народу впервые, хотя и в очень урезанном виде, были показаны трагические события 1941–1942 гг. Их масштаб, безусловно, подействовал на большую часть общества ошеломляюще. Сделано это было с целью развенчивания культа личности и закрепления тезиса, будто бы И. В. Сталин «командовал войсками по глобусу». Когда же результат оказался достигнут, потребовался мощный противовес первому периоду войны, чтобы негативные последствия информационной волны, нацеленной на имя Верховного Главнокомандующего, в общественном сознании не были перенесены на КПСС и государство в целом. Для этого как нельзя лучше подходила Курская битва. Во-первых, она была масштабной и победоносной. Во-вторых, проходила летом (которое считалось неудачным периодом для ведения боевых действий Красной армией), в начале второго периода войны. В-третьих, многие из её заметных участников не только находились ещё «в строю», но и занимали очень важные посты в государстве и армии. Поэтому появилась возможность решить идеологическую задачу и себя не забыть. В результате три месяца до начала июля и 50 огненных суток июля и августа 1943 г. стали «дежурной» темой не только в преддверии юбилеев, но и присутствовали в той или иной форме на страницах прессы годами.

Развитие же военно-исторической науки во второй период (в том числе и изучение Курской битвы) шло, как и прежде, по двум направлениям в военной и гражданской сфере, которые между собой соприкасались редко. Военные историки, естественно, лидировали, но большей части общества результаты их труда были недоступны. В условиях секретности в подчиненных Министерству обороны СССР учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях для нужд армии на документальном материале анализировался и обобщался богатый опыт войны, хотя и не в таких больших масштабах, как это происходило в конце 1940 г.

При рациональном подходе к делу часть разработок военных учёных без ущерба обороноспособности страны могла быть передана гражданским историкам. Это, несомненно, дало бы положительный толчок для исторической науки в целом. Однако ещё в годы войны все, что касалось действующей армии, засекречивалось, особенно связанное с деятельностью её командования. Осознавая масштаб катастрофы 1941–1942 гг. и понимая свою ответственность за колоссальные потери, высшее политическое и военное руководство СССР делало всё, чтобы скрыть от народа реальный ход войны. Эта тенденция сохранялась вплоть до его развала, так как организаторы и творцы отдельных провальных операций и сражений долгие годы после

---

⁵⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 98, 99.

победы продолжали находиться на важных (даже ключевых) партийных и государственных постах. Тотальная секретность считалась простым и надёжным средством сокрытия правды (о просчётах и ошибках руководства страны, партии и армии) и стирания из памяти народа целых десятилетий, которые не вписывались в идеологическую концепцию власти.

Понимая, что дальнейшее развитие военно-исторической науки в закрытом режиме малоэффективно, стремясь привлечь для активной творческой работы по военной тематике более широкий круг офицеров и генералов, а главное, создать официальный (значит, подконтрольный) канал распространения военно-исторических знаний, руководство СССР учреждает (восстанавливает) периодическое издание – «Военно-исторический журнал». Его первый номер вышел в свет в январе 1959 г.⁵⁸ Как вспоминали некоторые члены редколлегии, они пришли на работу с большим желанием создать интересное, подлинно научное издание. И уже в первые годы он действительно стал лидером в борьбе за правдивое и всестороннее освещение истории Великой Отечественной войны, распространение военно-исторических знаний, его публикации способствовали повышению общего методологического уровня советской исторической науки. Именно в этом журнале впервые начали печататься статьи, в которых авторы освещали Курскую битву по-новому, используя более широкую, чем раньше, источниковую базу для рассмотрения её ключевых сражений и проблем. Уже в шестом номере были опубликованы воспоминания бывшего командующего Центральным фронтом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского о боях на Огненной дуге. Их ценность заключалась в том, что непосредственный участник тех событий рассказал, как вырабатывалось и принималось советским командованием решение на переход к преднамеренной обороне, какие факторы на это влияли и какие цели ставила Ставка ВГК на первом этапе битвы.

Стремясь уйти от одностороннего освещения темы коренного перелома и ввести в научный оборот значимые источники германской армии, редакция журнала уже в № 6 за 1959 г. впервые в СССР публикует документ командования вермахта по теме Курской битвы – телеграмму командующего Группой армий «Центр» фельдмаршала Г. фон Клюге в адрес начальника штаба сухопутных войск от 18 июня 1943 г. с просьбой передать А. Гитлеру⁵⁹. В нём давалась оценка преимуществ, которые, по мнению фельдмаршала, получала советская сторона из-за того, что операция «Цитадель» неоднократно откладывалась и предлагалось как можно быстрее начать наступление. А через три года журнал публикует основополагающий документ операции «Цитадель»: оперативный приказ А. Гитлера № 6 от 15 апреля 1943 г.⁶⁰. Он сопровождался комментарием полковника Б. Г. Соловьева, в котором детально излагались общий замысел наступления, цели и задачи войск Групп армий «Центр» и «Юг», привлекавшихся для его реализации, а также их варианты действий в случае успеха.

Идея нашла живой отклик у читателей и специалистов, поэтому получила своё дальнейшее развитие. В 1966 г. это издание напечатало ещё один важный источник – выдержку из stenограммы совещания в Ставке А. Гитлера от 26 июля 1943 г.⁶¹, которая наглядно свидетельствовала не просто о тяжёлом положении Берлина после срыва «Цитадели», а даже о некотором смятении. А ещё через два года журнал публикует блок из пяти документов с комментарием полковников Г. А. Заставенко и Б. Г. Соловьева⁶². Эти источники были почерпнуты из сбор-

⁵⁸ «Военно-исторический журнал» – ежемесячное издание МО СССР. Первый номер вышел в свет 29.08.1939 г. В 1939–1940 гг. журнал являлся органом НКО СССР, а с января по июль 1941 г. – Генштаба РККА. С началом Великой Отечественной войны его издание было прекращено и возобновлено только в 1959 г. В советский период журнал публиковал статьи, документы и материалы главным образом Новейшей истории, начиная с Гражданской войны в СССР, мемуары и воспоминания деятелей Гражданской и Великой Отечественной войн, рецензии и научную информацию.

⁵⁹ К вопросу о подготовке плана «Цитадель». Военно-исторический журнал, 1959. № 6. С. 90–91.

⁶⁰ Соловьев Б. О плане операции «Цитадель». Военно-исторический журнал, 1962. № 1. С. 80–84.

⁶¹ Военно-исторический журнал. 1966. № 6. С. 78–82.

⁶² Заставенко Г., Соловьев Б. Новые документы немецко-фашистского командования о Курской битве. Военно-исторический журнал. 1968. № 8.

ника документов труда западногерманского исследователя Н. А. Якобсена⁶³ и относились непосредственно к планированию удара на Курск: «Проект операции «Цитадель» группы армий «Центр» от 12 апреля 1943 г.», «Оценка обстановки для проведения операции «Цитадель» и ее продолжения» командованием 4 ТА, приказы на операцию «Цитадель» 4 ТА и армейской группы «Кемпф», а также обращение Гитлера к офицерам армии перед началом наступления⁶⁴.

Все трофейные материалы, напечатанные в «Военно-историческом журнале» с 1959 по 1968 г., стали для отечественных историков важным источником, существенно расширившим их представление об истинных замыслах гитлеровского командования. Они позволили переосмыслить ряд устоявшихся представлений, в частности на планы Берлина в случае успешного завершения первой фазы наступления, и оказали определённое влияние на исследование истории Курской битвы в целом. Следует отметить, что и сегодня эти источники не потеряли своего значения. Однако их количества было явно недостаточно для понимания сути окончательного плана Берлина по срезу Курского балкона и дальнейшему ведению боевых действий на этом направлении летом 1943 г.

Эту серию документов существенно дополнил вышедший в 1967 г. сборник *«Совершенно секретно! Только для командования!»*. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы⁶⁵. Статья об источниках по Курской битве, включенных в него, оказалась не просто кратким научным комментарием об истории их появления, а относительно подробным анализом плана германского командования на лето 1943 г. и процесса подготовки войск к удару на Курск, который был впервые проведен на широкой базе трофейных источников. Вплоть до распада Советского Союза эта работа была наиболее полной и достоверной по данной проблематике. Она оказала серьёзное влияние на дальнейшие работы отечественных историков.

Содержательными, наполненными новыми данными явились публикации ведущего советского военного специалиста по Курской битве полковника Г. А. Колтунова⁶⁶, печатавшиеся в это время в «Военно-историческом журнале». Одной из особенностей его работ был критический подход к обсуждавшимся проблемам. Например, в оценке уровня изученности ключевых проблем лета 1943 г. Так, в статье «Военно-историческая литература о битве под Курском» он впервые провёл довольно подробный анализ историографии Курской битвы с 1943 по середину 1960-х гг. и очертил круг вопросов, не решённых отечественной наукой на тот момент. Как наиболее значимые им были отмечены следующие проблемы: отсутствие описания рубежа обороны Степного военного округа, планирование операций «Кутузов» и «Полководец Румянцев», их увязка с оборонительной фазой Курской битвы (Курской оборонительной операцией), оценка советской глубоко эшелонированной обороны и применение опыта её использования войсками Красной армии в операциях 1944–1945 гг. Например, именно он

⁶³ Jacobsen H. A. 1939–1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959.

⁶⁴ Военно-исторический журнал. 1968. № 8. С. 67–76.

⁶⁵ «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 488–516.

⁶⁶ Колтунов Георгий Автономович, полковник (1953), кандидат исторических наук. Родился 25.01.1916 г. в с. Обуховка Кореневского района Курской области. После окончания в 1939 г. исторического факультета Московского пединститута им. В. И. Ленина, призван в РККА. В 03.1941 г. окончил курсы младших лейтенантов. Первый бой принял 19.09.1941 г. на Брянском фронте в районе г. Глухов, будучи командиром взвода 744 обс 283 сд 3А, в составе которой прошёл путь до Берлина. С 4.02.1943 г. – командир 744 обс, с которым участвовал в Курской битве. 2.09.1943 г. – начальник штаба 109 опс, а с 5.0.5.1944 г. и до конца войны – командир отдельного батальона связи этого полка. Войну закончил в звании майора, был награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й ст., Красной Звезды и медалями. В 1946–1947 гг. служил начальником штаба и командовал батальонами связи в Белорусском ВО. После окончания в 1949 г. военно-исторического факультета ВА им. Фрунзе служил в Военно-историческом управлении Генштаба. 06.04.1968 г. переведён в ИВИ МО СССР на должность начальника группы. С 16.03.1971 г. – зам. главного редактора, руководителя авторского коллектива тома 5-й редакции двенадцатитомника «История Второй мировой войны». С 08.04.1978 г. – в отставке по возрасту. Автор ряда книг и публикаций о Курской битве, наиболее известная его работа, подготовленная совместно с полковником Б. Г. Соловьёвым, – «Курская битва» (1970). Скончался 31.08. 2000 г.

первым из советских учёных в открытой печати высказал важную мысль о том, что оборона под Курском не была типичной для Великой Отечественной войны: *«Здесь была сосредоточена крупная наступательная группировка советских войск. Это один из редчайших случаев в истории военного искусства, когда обороняющаяся сторона имела превосходство в силах и средствах... Всё это не дает никакого основания считать эту оборону, прежде всего группировку сил и средств, инженерное обеспечение и др., образцом, достойным для подражания»*⁶⁷.

Особо хочу остановиться на статье Г. А. Колтунова «Курская битва в цифрах (Период обороны)»⁶⁸, напечатанной в «Военно-историческом журнале» № 6 за 1968 г. Она стала одной из наиболее важных публикаций по данной тематике за весь второй период историографии. В ней был приведён ранее не вводившийся в научный оборот большой массив статистического материала по численному составу, количеству вооружения и технике советских (Центрального и Воронежского фронтов) и германских войск, развернутых в начале июля 1943 г. в районе Курской дуги. Кроме того, были представлены сводные данные по оперативной плотности войск Центрального и Воронежского фронтов перед битвой, даны тактическая плотность и соотношение противоборствующих сил на участках прорыва советской обороны, а также приводились цифры темпа (среднего) продвижения германских войск в ходе операции «Цитадель» по дням. Вся информация была сведена в 14 таблиц и сопровождалась комментарием. Эта информация в тот момент имела большое значение, однако следует отметить, что автором был допущен и ряд грубых ошибок в отношении данных о войсках противника, т. к. почти все они были расчётными и, как сегодня стало понятно, далёкими от реальности. Вместе с тем внимательный анализ немецких данных наводит на мысль, что цифры составлены таким образом, чтобы скрыть ошибку, которая была допущена советской стороной при подготовке Курской оборонительной операции. Как известно, тогда Москва сосредоточила значительно бóльшие силы в полосе Центрального фронта, где ударная группировка вермахта (9А) была заметно слабее, чем перед Воронежским. Таблицы же Г. А. Колтунова говорят о другом, что якобы 9А была более многочисленна, чем её соседи, 4 ТА и АГ «Кемпф» ГА «Юг». Непонятно, на каком основании, но в своих расчётах автор использовал также и данные по 2А, которая, как известно, непосредственно в операции «Цитадель» не участвовала. Кроме того, автор допустил ошибку и при подсчёте, например, оперативной плотности войск в полосе АГ «Кемпф» на 5 июля 1943 г. Два её корпуса, участвовавшие в наступлении (3 тк и 11 ак), были развернуты на участке не 170 км, как он указал, а всего 32 км⁶⁹. Сегодня трудно понять, специально это было сделано (под давлением цензурных органов) или автор из-за отсутствия другой информации был вынужден пользоваться цифрами, которые были подготовлены задолго до него на основе ошибочных разведданных. Но в любом случае в этой части его статья работала не в пользу научного подхода к проблематике, а на обоснование одного из мифов, сформированных советской пропагандой.

Тем не менее это был первый появившийся в открытой советской печати столь значительный массив статистического материала об этом событии. Он, безусловно, расширял представление гражданских историков о проблеме, позволял, опираясь не на слова, как это было в значительной мере ранее, а на сухие цифры, представить реальный масштаб оборонительной фазы Курской битвы, оценить силы и средства Красной армии, которые были развернуты на севере и юге Курского выступа. К сожалению, статья стала не только первой, но и единственной подобного рода в советской историографии битвы под Курском, поэтому часть отечественных

⁶⁷ Колтунов Г. А. Военно-историческая литература о битве под Курском. Военно-исторический журнал. 1963. № 7. С. 105.

⁶⁸ Колтунов Г. А. Курская битва в цифрах (Период обороны). Военно-исторический журнал, 1968. № 6. С. 58–68.

⁶⁹ NARA USA. T.312. R.54. F.7569611.

исследователей использует данные из неё даже сегодня. Причём часто без критического анализа⁷⁰.

К сожалению, наметившиеся в обществе перемены не оказывали заметного влияния на фундаментальные исследования в области исторической науки. Примером этого может служить четырехтомник *«Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»*, подготовленный военно-научным управлением Генштаба, который был издан в 1958 г. Во вступительной статье к первому тому отмечалось: *«Авторский коллектив стремился дать правдивый очерк Великой Отечественной войны, основанный, главным образом, на архивных документах, и сделать некоторые, не претендующие на полноту выводы по важным вопросам подготовки и ведения операций, осуществленных Советской Армией в годы Великой Отечественной войны»*⁷¹. Над этим трудом работали известные военные ученые, сами служившие в 1941–1945 гг. в боевых частях и соединениях, в том числе и кандидаты военных и исторических наук генерал-майор Н. Г. Павленко, полковники В. П. Морозов, Г. А. Колтунов, Б. Г. Соловьёв. В целом, учитывая уровень развития отечественной исторической науки и степень свободы ученых в этот момент, эту книгу можно было оценить как крупное достижение на пути изучения минувшей войны, в том числе и событий на Огненной дуге. И если бы её сразу не засекретили, на мой взгляд, она могла бы стать существенной основой (толчком) для дальнейшего, более глубокого анализа, в частности, событий под Курском. Однако этого не случилось, четырехтомник сначала получил гриф «Секретно», с 1962 г. его заменили на «Для служебного пользования», и лишь в 1965 г. труд полностью рассекретили⁷². При этом книга была выпущена ограниченным тиражом только для спецбиблиотек военно-учебных заведений, поэтому и после 1965 г. изложенный в ней материал и выводы, прежде всего критические, оказались фактически недоступны для гражданских исследователей и не попали в широкий научный оборот.

Вместе с тем следует указать и на существенные недостатки многотомника. В нём не только излагались прежние, в том числе и ошибочные, взгляды и представления о битвах и сражениях (например, об участии 1500 бронеединиц в сражении под Прохоровкой), но и была допущена недооценка действий ряда оперативных объединений в крупных операциях, а также неверно указаны причины ряда неудач Красной армии. Например, его авторы утверждали, что невыполнение задач контрудара войсками 5 гв. ТА 12 июля 1943 г. было связано с *«отсутствием достаточного времени для подготовки контрудара»* и *«пассивностью действий 1-й танковой, 5-й, 6-й и 7-й гвардейских армий, участвовавших в контрударе»*⁷³, хотя это не соответствовало действительности. Войска Ротмистрова начали сосредотачиваться в районе Прохоровки во второй половине дня 9 июля, следовательно, для приведения себя в порядок после марша и подготовки боевых действий имели в запасе двое суток. По меркам фронта это вполне достаточно для такого мероприятия. Что же касается упрека в адрес других армий, якобы не участвовавших в контрударе, то и это утверждение далеко от исторической правды. Во-первых, именно активные действия 10 тк 1 ТА 12 июля сорвал разворот одного из самых сильных соединений немецкого 48 тк моторизованной дивизии «Великая Германия» на помощь 2 тк СС под Прохоровку. Во-вторых, 5 гв. А генерал-лейтенанта А. С. Жадова, действовавшая правее армии Ротмистрова, хотя и не выполнила поставленную задачу, а две её стрелковые дивизии, по объективным причинам, отошли на 2–3,5 км с прежних позиций, тем не менее она не допустила прорыва третьей армейской полосы на всю глубину, а мд СС «Мёртвая голова» потеряла в излучине р. Псел, по данным штаба 2 тк СС, больше бронетехники, чем мд СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», которая действовала на направлении главного удара 5 гв. ТА.

⁷⁰ Напр.: Огненная дуга. М.: Звонница-МГ, 2003. С. 599.

⁷¹ Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. М.: Воениздат, 1968. С. 13.

⁷² Библиотека ЦАМО РФ. Штамп на томе 2: «Директива ГШ СА № 203995–65».

⁷³ Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Т. 2. М.: Воениздат, 1958. С. 248.

Кроме того, во втором томе хотя и признавалось, что задачи контрудара по разгрому вклинившейся группировки врага выполнить не удалось, однако 12 июля назывался как день кризиса немецкого наступления и отказа врага от дальнейших попыток продвижения к Курску. Что тоже было далеко от исторической правды.

Вместе с тем в книге явно по субъективным причинам не только не проанализированы, но даже не упомянуты крупные, но неудачные для советской стороны события Курской оборонительной операции в полосе Воронежского фронта. Например, окружение стрелкового корпуса 69А южнее Прохоровки в ночь на 16 июля, прорыв его соединений и высокие потери при этом. В труде лишь указано, что 13–15 июля 5 гв. ТА и 69А отражали атаки германских войск, которые пытались окружить пять дивизий последней, а затем эти пять дивизий отошли на новый рубеж⁷⁴. Таким образом, авторский коллектив не только не упомянул об окружении, но и приложил максимум усилий, чтобы не вскрывать главную причину этой трагедии – неудачу армии Ротмистрова 12 июля 1943 г. и большой урон, нанесенный ей корпусом СС. Следует отметить, что и при изложении дальнейших событий лета 1943 г. авторами труда внимание акцентировалось в основном на успехах советской стороны, в том числе, как сегодня стало ясно из архивных источников, выдуманные. В частности, в книге маскировочные мероприятия командования Воронежского фронта в полосе 38А в конце июля – начале августа 1943 г. оцениваются как очень успешные, т. к. противник якобы был вынужден выдвинуть на это направление в качестве оперативного резерва 7 тд⁷⁵. Однако в трофейных документах 4 ТА указано, что данное соединение подтягивалось с целью проведения здесь частной наступательной операции, а активность в полосе 38А германское командование рассматривало именно как отвлечение внимания от направления главного удара войск Воронежского и Степного фронтов.

Важной положительной чертой военно-исторических изданий конца 1950 – начала 1960-х гг. было описание и общего хода боевых действия в полосе Центрального фронта летом 1943 г., и отдельных сражений его войск, без особых перекосов и откровенных преувеличений, как это наблюдалось в отношении событий на юге Курского выступа. Например, оборонительные бои у ст. Поныри, которые в 1970-е гг. станут сравнивать по масштабу с Прохоровским сражением, в упомянутой книге *«Операции Советских Вооружённых сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки»* оценивались лишь как *«поучительный пример упорства в обороне»*⁷⁶ 307-й стрелковой дивизии, а победа в них справедливо была отнесена за счёт высокой плотности наших сил, правильного использования частей и соединений различных родов войск, а также умело налаженного взаимодействия.

Одной из существенных негативных особенностей отечественной историографии Курской битвы этого периода стало выпячивание заслуг отдельных соединений и объединений в её победе. Эта тенденция зародилась ещё в годы войны и была связана с желанием высокопоставленных руководителей Красной армии «поучаствовать в наградном марафоне» (особенно в 1944–1945 гг. часто этим грешило командование БТ и МВ), а также с определенной косностью в работе военно-исторических подразделений Генштаба. В 1970-е гг. это явление тоже отмечалось в исторической литературе, например, в отношении 5 гв. ТА, но после войны оно возникло под влиянием иных факторов. Во-первых, военно-педагогической и военно-научной деятельности П. А. Ротмистрова⁷⁷. Во-вторых, благодаря участию Н. С. Хрущева в Курской битве в качестве члена Военного совета Воронежского фронта. Безудержным восхвалением деятель-

⁷⁴ Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Т. 2. М.: Воениздат, 1958. С. 248.

⁷⁵ Там же. С. 278.

⁷⁶ Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Т. 2. М.: Воениздат, 1958. С. 241.

⁷⁷ С 1948 по 1968 г. он возглавлял кафедру в ВА им. Ворошилова, Бронетанковую академию, был помощником министра обороны СССР по учебным заведениям.

ности Н. С. Хрущёва в годы Великой Отечественной войны были переполнены практически все публикации конца 1950-х и начала 1960-х гг. В угоду активно формирующемуся культу главы государства искажались важнейшие события, вымарывались целые пласты из истории войны, вычёркивалась многомесячная кропотливая творческая работа больших коллективов армейских и фронтовых штабов по планированию и подготовке битв и сражений. Стремясь «идти в ногу со временем», авторы включали в свои труды целые абзацы, в которых описывалось, как Никита Сергеевич фактически выполняет функции командующего фронтом, без прямого на то распоряжения или хотя бы рекомендации последнего. Ярким примером подобного «творческого осмысления прошлого» могут служить статьи и брошюры П. А. Ротмистрова, а также книга бывшего члена Военного совета 1 гв. ТА Н. К. Попеля⁷⁸ *«Танки повернули на запад»*⁷⁹, опубликованная в этот период.

Для раздувания значения роли Н. С. Хрущёва в годы войны идеологические органы уже в начале 1960-х гг. стали использовать и мемуары полководцев. Хотя в их узком кругу он как военный деятель, мягко говоря, авторитетом никогда не пользовался. Тем не менее все чаще в статьях и воспоминаниях бывших командующих фронтами, а затем и армиями стали появляться целые абзацы с хвалебными отзывами о масштабной и кипучей работе генерал-лейтенанта Н. С. Хрущёва. Например, К. К. Рокоссовский в сборнике *«На Огненной дуге. Воспоминания и очерки о Курской битве»* «рассказал», как в период подготовки к летним боям в штаб Центрального фронта, которым он командовал, несколько раз приезжал член Военного совета (соседнего!) Воронежского фронта, чтобы проинформировать *«о сложившемся к тому времени вокруг Советского Союза положении»*⁸⁰. Как правило, авторы в погонах с большими звездами обладали непростыми характерами. Поэтому во избежание скандалов, которые они могли учинить, такие вставки обязательно согласовывались с ними «под роспись». Г. К. Жуков, не один год боровшийся против подобных «вкраплений» в рукопись своей книги (и не понимая, как это можно маршалу и коммунисту так врать и пресмыкаться), в личном письме К. К. Рокоссовскому по этому конкретному эпизоду очень жёстко ответил: *«Я внимательно слежу за Вашими выступлениями в печати. И всегда жду от Вас правдивого описания истории операций. Но увы! И Вы, Константин Константинович, оказывается, не лишены желания пококетничать перед зеркалом истории, некоего украшения своей личности и искажения фактов. Напомню лишь некоторые. Описывая подготовку войск Центрального фронта к Курской битве, Вы писали о выдающейся роли Хрущева Н. С. в этой величайшей операции. Вы писали, что он приезжал к Вам на фронт и якобы давал мудрые советы, «далеко выходящие за рамки фронтов». Вы представили в печати его персону в таком виде, что Хрущев вроде играл какую-то особо выдающуюся роль в войне. А этого-то, как известно, не было, и Вы это знали. Как Вам известно, с Хрущевым приезжал и я. Напомню, что было на самом деле: был хороший обед, за которым Хрущев и Булганин крепко подвыпили. Было рассказано Хрущевым и Булганиным много шуток, анекдотов, а затем Хрущев уехал в штаб Воронежского фронта,*

⁷⁸ Попель Николай Кириллович (1901–1980?), генерал-лейтенант т/в. В РККА с 1920 г. С 1938 г. – военком 11 мбр. В период репрессий принимал участие в написании политхарактеристик с «компроматом» на комсостав РККА. В начале войны – бригадный комиссар, комиссар 8 мк. Возглавил подвижную группу корпуса, которая вела тяжёлые бои под Дубно, после чего частью сил вышла из окружения. 25.08. – 08.12. 1941 г. – член Военного совета 38А. С 09.1942 г. – военком 3 мк. С 30.01.1943 г. и до конца войны – член Военного совета 1 ТА (затем 1 гв. ТА). В период подготовки и проведения Курской битвы сумел установить хорошие отношения с Н. С. Хрущёвым, который высоко оценил его деятельность в это время. 20.08.1943 г. за участие в Курской битве он представил семь высокопоставленных политработников Воронежского фронта к высоким наградам, троих, в том числе и Н. К. Попеля, к ордену Ленина, но Москва это представление не поддержала. После войны жил в Москве, писал книги, опубликованы: «В тяжкую пору» (1959), «Танки повернули на запад» (1960), «Бригада «Революционная Монголия» (1977), а также совместно с В. П. Савельевым и П. В. Шеманским «Управление войсками в годы Великой Отечественной войны» (1974). Записью и обработкой его воспоминаний занимался литературный критик Э. В. Кардин.

⁷⁹ Попель Н. К. Танки повернули на запад. М.: Воениздат, 1960.

⁸⁰ На Огненной дуге. Воспоминания и очерки о Курской битве. М.: Воениздат, 1963. С. 25.

а я остался во вверенном Вам фронте, где отрабатывались вопросы предстоящей операции с выездом в войска. Надеюсь, этого Вы еще не забыли»⁸¹.

Но наиболее масштабно и зримо эта тенденция проявилась в шеститомнике «История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Вот как оценивал это издание один из самых авторитетных полководцев бывший начальник Генерального штаба Красной армии Маршал Советского Союза А. М. Василевский: «...Читаешь многотомную Историю Великой Отечественной войны... и иногда удивляешься, – отмечал он в беседе с писателем К. М. Симоновым. – В период подготовки Сталинградской операции и в период самой операции, в том числе в период самых ожесточенных боев с котельнической группировкой немцев, я ездил из одной армии в другую, из одних частей в другие буквально все время в одной машине с Хрущевым. Он не вылезал из моей машины, всегда, где был я, был и он. Но вот читаешь эту историю, и в ней написано: «Товарищ Хрущев приехал туда-то», «Товарищ Хрущев прибыл на командный пункт⁸² в такой-то корпус», «Товарищ Хрущев говорил там-то и с тем-то» и так далее и так далее. А где начальник Генерального штаба, так и остается неизвестным.

Еще более странно описано в этой «Истории...» планирование операции на Курской дуге. Из этого описания может создаться ощущение, что эта операция была в основном спланирована на Воронежском фронте, тогда как на самом деле для планирования этой операции съехались и участвовали в ней Жуков, Рокоссовский, я, Ватутин, подъехал туда во время этой работы и Хрущев. Это действительно так, но не сверх того»⁸³.

Ему вторил Г. К. Жуков: «...Лакированная эта история. Я считаю, что в этом отношении описание истории, хотя тоже извращенное, но все-таки более честное у немецких генералов, они правдивее пишут. А вот «История Великой Отечественной войны» абсолютно неправдивая. Это не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать»⁸⁴.

В словах двух выдающихся полководцев минимум личного – обид за забвение. Действительно, издание получилось откровенно ангажированным, в нём были упущены или задвинуты в историческое небытие ряд важных событий, персонажей и существенных факторов, в том числе и те, что повлияли на решение командования Красной армии и вермахта при планировании летней кампании 1943 г.

Так, в третьем томе при изложении событий на Украине в феврале – марте 1943 г. был сделан упор на срыв советскими войсками планов противника. Однако умалчивалось о поражении Воронежского и Юго-Западного фронтов, больших потерях их войск, оставлении значительной части уже освобожденной территории, в том числе и о сдаче врагу крупного индустриального и административного центра – Харькова. «Забыли» авторы упомянуть и о том, что не получила развития и начавшаяся в это время наступательная операция Центрального и Брянского фронтов. Обойдены молчанием не только эти крупные неудачи, но и, что самое важное, до конца не были вскрыты их причины. Хотя, как известно, верные выводы даже из масштабных провалов весьма продуктивны, т. к. не теоретически, а в ходе боевой работы выявляются наиболее слабые места в планировании операций и подготовке войск.

А ведь весной 1943 г. Ставка ВГК тщательно анализировала и итоги трёхмесячных боёв на юге советско-германского фронта, и обстановку, сложившуюся после отхода двух фронтов с Украины. Выводы оказались неутешительными: результаты победы под Сталинградом

⁸¹ РГВА. Ф. 41107. Оп. 2. Д. 13. Л. 30.

⁸² Командный пункт (КП) – основной пункт управления войсками в частях, соединениях и объединениях, с которого осуществляются постоянное руководство войсками и различные мероприятия, направленные на обеспечение успешных действий при выполнении поставленных задач.

⁸³ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М.: АПН, 1988. С. 464, 465.

⁸⁴ Никоноров А. В., Звонов В. И., Карпов В. В., Светлицкий Н. А. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков (Хроника жизни). М.: Русская книга, 1998. С. 323.

могли быть более весомыми. По крайней мере, при правильном расчёте своих сил и трезвой оценке ситуации удержать уже освобожденные Харьков и Белгород возможность была. В то же время решительные действия войск фельдмаршала Э. фон Манштейна продемонстрировали, что Германия и её вооруженные силы ещё сохраняли высокий потенциал. В тех сражениях советские вооруженные силы не только понесли значительные потери в живой силе, вооружении и технике, был нанесен сильный удар и по их престижу, который резко поднялся в мире после окружения группировки Паулюса.

Трагический опыт, полученный в этих боях, заметно повлиял на настроение политического и военного руководства Советского Союза. Оно начало более взвешенно оценивать собственные возможности и потенциал неприятеля. Это особенно ярко демонстрирует процесс планирования Курской оборонительной операции. Обладая кратным численным превосходством во всех основных родах войск, накопив значительные оперативные и стратегические резервы, Москва сознательно передаст инициативу противнику с тем, чтобы измотать его войска в оборонительных боях и лишь затем перейти к решительным действиям по окончательному освобождению страны. Гитлер же из трагедии на Волге и последовавшего затем отступления не извлёк должных уроков. Крупный, но ограниченный территориально успех Манштейна на Украине в какой-то мере снял остроту «Сталинградского синдрома», благодаря чему, несмотря на очень серьёзные риски, на которые будут указывать авторитетные генералы вермахта, он все-таки решится на проведение авантюрной по сути операции «Цитадель».

В шеститомнике не нашли должного освещения важные, но неудобные для советской стороны проблемы, возникшие и в ходе Курской битвы. Например, причины прорыва главной армейской полосы Центрального фронта на всю глубину уже 5 июля 1943 г. (хотя в этот момент 13 А обладала колоссальными силами), невыполнение замысла контрудара 12 июля 1943 г. на Воронежском фронте, ошибки в использовании танковых армий однородного состава на обоянском и прохоровском направлениях, низкий темп продвижения войск Центрального и Брянского фронтов в Орловской наступательной операции. Кроме того, не были вскрыты и проанализированы существенные проблемы, возникшие в первые дни оборонительной операции, с управлением корпусов 2 ТА, которая действовала на направлении главного удара противника.

Авторы этого фундаментального труда допустили и ряд фактических ошибок. Утверждалось, например, что командование ГА «Юг» к 10 июля 1943 г. отказалось от наступления через Обоянь и начало сосредотачивать большую часть соединений 4 ТА под Прохоровку, благодаря чему здесь к 11 июля 1943 г. якобы была создана небывалая за годы войны плотность бронетехники – 100 танков и САУ на 1 км фронта⁸⁵. В действительности же от наступления из района Белгорода строго на север Э. фон Манштейн отказался ещё в мае 1943 г., и в указанное время никакой перегруппировки не проводилось. На дальних подступах к Прохоровке по-прежнему продолжали действовать только дивизии 2 тк СС, которые не являлись основными силами танковой армии Гота, а их численность существенно завышена, в силу чего указанная в третьем томе плотность бронетехники не соответствовала действительности.

Кроме того, при описании событий на северном фланге указано, что 18-й гв. стрелковый корпус к началу битвы находился в резерве Центрального фронта⁸⁶. В действительности же он был передан командованию 13А и составлял её второй эшелон.

В труде также безосновательно утверждалось, что при проведении контрудара 12 июля 1943 г. 1-я танковая, 6, 7-я и 5-я гв. армии *«в той мере, в которой ранее предполагало командование Воронежским фронтом... участвовать не могли»*, поэтому якобы *«основная тяжесть сражения пала на 5-ю гвардейскую танковую армию»*⁸⁷. Это не только искажало суть одного из

⁸⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М.: Воениздат, 1961. С. 272.

⁸⁶ Там же. С. 249.

⁸⁷ Там же. С. 273.

самых крупных мероприятий советского командования по отражению немецкого наступления в полосе Воронежского фронта, но и умаляло роль воинов армий, задействованных в контр-ударе. Редколлегия явно попала под влияние П. А. Ротмистрова, т. к. чем-то иным объяснить совпадение точки зрения, изложенной в его мемуарах, опубликованных в 1960 г., и авторского коллектива книги трудно.

Ещё одной существенной негативной особенностью шеститомника стало нивелирование индивидуальности (особенностей характера, стиля работы, полководческого почерка и т. д.) всех более или менее значимых фигур Красной армии. Как точно заметил американский журналист А. Верг, работавший в 1941–1945 гг. в СССР, труд *«страдает тем недостатком, общим для многих, хотя и не для всех советских книг о Второй мировой войне, что он показывает, по существу, всех русских в точности похожими один на другого»*⁸⁸. Считаю, что это свидетельствовало не о непонимании авторским коллективом значения индивидуальности генералов и маршалов, находившихся, например, в системе стратегического и оперативного планирования боевых действий, управления войсками, а прежде всего о стремлении тогдашнего руководства Советского Союза выделить всеми средствами особую роль партии и советской системы, лишить отдельного человека (советского солдата, полководца или рабочего на оборонном заводе) права на способность самостоятельно совершать подвиг или выдающийся поступок при защите своего Отечества.

Подвергнутые справедливой критике сразу же после выхода из печати отдельные тома редколлегия была вынуждена срочно дорабатывать⁸⁹. Однако государственная система, выстроенная под «одного человека», не была способна к трансформации. Поэтому никаких принципиальных изменений в новых изданиях не произошло, были исправлены лишь технические ошибки и несколько расширены отдельные разделы. Глава о Курской битве также претерпела лишь «косметические» изменения.

Нельзя не признать, что помимо отсутствия у руководства страны заинтересованности в глубоком научном изучении истории Великой Отечественной войны на качество исследований в это время по-прежнему оказывал влияние и ряд объективных факторов.

Во-первых, недостаточные знания о военной стратегии СССР в годы войны и неподготовленность советских историков к работе по данной тематике.

Во-вторых, база архивных источников, которую могли исследователи использовать, была крайне скудной. Как и в прежний период, вся боевая и значительная часть отчётной документации войсковых соединений и объединений за 1941–1945 гг. была засекречена. Вместе с тем много архивных дел периода войны находились в беспорядке, документы были несистематизированы и разбросаны по различным военным ведомствам. Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал: *«Удивительное дело, как мы мало пользуемся документами. Прошло двадцать лет со времени окончания войны, люди вспоминают, спорят, но спорят часто без документов, без проверки, которую легко можно провести. Совсем недавно, разыскивая некоторые документы, я обнаружил в одном из отделов Генерального штаба огромное количество документов. Донесения, переговоры по важнейшим операциям войны, которые с абсолютной точностью свидетельствуют о том, как в действительности происходило дело. Но с самой войны и по сегодняшний день как эти документы были положены, так они и лежат. В них никто не заглядывал»*⁹⁰.

Следует назвать и ещё одну важную проблему, касавшуюся источников. Бывший член редакции «Военно-исторического журнала» полковник В. М. Кулиш отмечает: *«Ставка ВГК и ГКО в области стратегического управления войсками оставили мало документов. И. В.*

⁸⁸ Верг А. Россия в войне 1941–1945. М., 1964. С. 252.

⁸⁹ Например, исправленный третий том вышел в 1964 г.

⁹⁰ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М.: Новости, 1988. С. 465.

Сталин, озабоченный соблюдением секретности, а может быть, и по другим соображениям запрещал участникам совещаний вести записи без его указания. Они, как вспоминал Жуков, Василевский и другие, должны были запоминать принятые решения и указания, а затем, возвратившись в свои кабинеты, по памяти записывать их в секретные тетради. А такие тетради, согласно правилам о секретном делопроизводстве, периодически уничтожались специальной комиссией. Так эта группа источников исчезла, другие важные оперативные документы были просто потеряны»⁹¹.

Проблема отсутствия документальных источников стратегического характера встала остро не только перед военными историками. Как только началась работа над шеститомником, это стало понятно и их руководству, было очевидно, что этот фактор существенно затягивал работу и снижал её качество. Поэтому было принято решение для военных ученых, преподавателей военно-учебных заведений и специалистов военно-исторического профиля издать специальный многотомный «Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны». Он начал выходить в 1968 г. отдельными выпусками (книгами), каждый из которых охватывал определенный период войны. Во вступительной статье к первому изданию отмечалось, что «цель этой публикации состоит в том, чтобы способствовать развешиванию научных исследований и более глубокому изучению опыта Великой Отечественной войны, пропаганде героических традиций Советских Вооруженных сил, а также разоблачению буржуазных фальсификаторов Второй мировой войны»⁹². В 1960-е гг. на Западе для подготовки научных и научно-популярных книг по истории минувшей войны начали широко использовать документальные источники, в первую очередь это касалось ФРГ, которая в конце 1950-х гг. получила из США архив боевых документов войск вермахта. Например, в 1966 г. в Германии был выпущен первый труд по истории событий под Курском «Принцип действий. Операция «Цитадель» 1943», полностью выполненный на документальном материале немецким исследователем Э. Клином. Это издание вызвало большой резонанс среди историков.

В «Сборнике документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны» были собраны материалы двух уровней Ставки ВГК (директивы, распоряжения, записи переговоров) и фронтов (приказы, распоряжения указания), которые были выстроены в строго хронологической последовательности. Документы о событиях под Курском были опубликованы в третьем выпуске⁹³. Это был важный шаг, который мог бы заметно повысить уровень знаний ученых и положительно повлиять на качество их исследований. Однако первые книги начали печататься в тот момент, когда стрелка барометра общественно-политической жизни страны отошла от значения «оттепель» и четко указывала на «заморозки». Потребность государства в глубоких научных исторических трудах отпала. И тем не менее, например, вышедший в 1969 г. третий том этого издания, посвященный в том числе и Курской битве, сыграет свою положительную роль, так как собранные в нём материалы ровно через 30 лет войдут в тематический сборник серии издательства «ТЕРРА» – «Русский архив. Великая Отечественная война», который станет основой для разработки истории Курской битвы уже российскими исследователями.

Попытка улучшить шеститомник была предпринята ещё раз, после смены руководства страны, но уже не путем переписывания всех томов, а подготовкой нового сокращенного издания. Идея была реализована быстро. В 1965 г. вышла книга «Великая Отечественная

⁹¹ Военно-исторический журнал. 2009. № 8. С. 66.

⁹² Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны / Под редакцией А. Н. Грылёва. Т. 1. М.: Воениздат, 1968. С. 3.

⁹³ Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны / Под редакцией А. Н. Грылёва. Т. 3. М.: Воениздат, 1969. 480 с.

война Советского Союза 1941–1945. Краткая история»⁹⁴. Хотя руководитель редакции генерал-майор М. М. Миносян и утверждал, что благодаря привлечению широкой базы новых источников исследование является самостоятельным трудом, с этим было трудно согласиться. Во-первых, оно готовилось на базе шеститомника (авторы это не скрывали)⁹⁵ и, по существу, явилось его сокращенным вариантом. Во-вторых, авторский коллектив изначально имел основную задачу – исправить выявившиеся в ходе обсуждения недочёты и ошибки, в том числе и о Курской битве, упомянутые мною выше. По мнению руководства страны, исследование удалось. Через два года его вновь переиздали большим, даже по меркам СССР, тиражом в 150 000 экземпляров.

В действительности же книга оказалась довольно противоречивой. Хотя из неё убрали отголоски культа личности Хрущёва и исправили отдельные ошибки, она оказалась выхолощенной, исчезли даже признаки анализа острых вопросов. Вместе с тем её текст вобрал в себя ряд оценок отдельных важных моментов войны, которые в середине 1960-х гг. ещё не обрели твёрдой документальной основы и находились в стадии обсуждения. Так, например, в ней без должного анализа архивных источников утверждалось, что командование Воронежского фронта якобы допустило ошибку при прогнозировании направления главного удара ГА «Юг» и распределении сил фронта на обоянском направлении⁹⁶. По мнению авторского коллектива, это якобы и явилось главной причиной более глубокого вклинивания врага в нашу оборону на юге Курского выступа, чем на севере. Оно основывалось на формальной оценке плотности сил и средств в полосе 40, 6 гв. и 7 гв. армий, а также мнению К. К. Рокоссовского, не раз высказывавшего его в частных беседах и при встречах с офицерами ряда академий.

В то же время следует отметить положительную особенность этой работы. Она стала первой и единственной книгой в СССР, где было приведено хотя и краткое, но максимально приближенное к реальной действительности описание сути контрудара войск Воронежского фронта 12 июля 1943 г. В ней также была приведена и почти точная цифра бронетехники, принявшей участие в боях под Прохоровкой в этот день, которая впервые была опубликована в 8-м томе Исторической Советской энциклопедии, вышедшем в 1965 г.⁹⁷. Вот этот абзац из главы «Враг не прошёл»: *«Оценив обстановку, представитель Ставки маршал А. М. Василевский и командование Воронежского фронта приняли решение нанести мощный контрудар. Для этого привлекались прибывавшая 5-я гв. танковая армия генерала П. А. Ротмистрова и 5-я гв. армия генерала А. С. Жадова, а также часть сил 40-й армии, 1-я танковая, 6-я гв. и часть сил 69-й и 7-й гв. армий. 12 июля наши войска перешли в наступление. Борьба разгорелась на всем фронте. С обеих сторон в ней участвовала огромная масса танков. Особенно тяжёлые бои вели войска 5-й гв. общевойсковой и 5-й гв. танковой армий в районе Прохоровки. Они натолкнулись на исключительно упорное сопротивление частей 2-го танкового корпуса СС, которые непрерывно контратаковали. Здесь произошло крупное танковое сражение. В общей сложности в нем участвовало свыше 1100 танков и самоходных орудий. Ожесточенная схватка длилась до позднего вечера... Обе стороны понесли большие потери»*⁹⁸.

Эта работа отличалась относительно сбалансированным подходом к изложению материала. Однако в ней по-иному, чем прежде, трактовались отдельные острые моменты, в том числе и Прохоровское сражение. Из-за этого она была негативно воспринята сторонниками устоявшихся взглядов на войну, которые по-прежнему имели большое влияние и авторитет. Уже в

⁹⁴ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1965.

⁹⁵ Военно-исторический журнал. 1966. № 6. С. 105.

⁹⁶ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1967. С. 244.

⁹⁷ Историческая Советская энциклопедия. Т. 8. М., 1965. С. 321.

⁹⁸ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1967. С. 244.

1970 г. был выпущен её «отлакированный» вариант, в котором вновь красовалась и «ротмистровская» цифра: 1200 танков.

Источником, существенно расширявшим представление общества и исследователей о событиях на Огненной дуге, стала мемуарная литература, которая в это время начала быстро развиваться. В первую очередь следует упомянуть сборники воспоминаний участников битвы, публиковавшиеся с 1959 г. в областных издательствах. Наиболее интересной и познавательной в этом ряду стала книга *«В огне Курской битвы. Из воспоминаний участников боёв»*, выпущенная к 20-летию победы в битве на Огненной дуге. Наряду с мемуарами известных военачальников в неё вошли и воспоминания офицеров тактического уровня, в которых живым, понятным для широкого круга читателей языком шёл порой очень откровенный рассказ о тяжёлом ратном труде, подвигах и утратах. Так, например, бывший начальник разведотдела 13А подполковник В. М. Дорошенко довольно подробно рассказал о фактах успешной работы советской тактической разведки перед битвой. В издании также были помещены воспоминания Героя Советского Союза Н. В. Будылина. Его рассказ, наполненный трагическими эпизодами об участии 6 гв. сд 13А в неудачном контрударе 6 июля 1943 г., не только не оставлял равнодушным обычного читателя, но и давал ценный материал для исследователей. Вместе с тем авторы – составители сборника не смогли соблюсти чувство меры. В книге по несколько раз повторялись «панегирики» сражению под Прохоровкой. Оно называлось «небывалым по масштабу», «крупнейшим в истории Второй мировой войны» и обязательно *«в нём участвовало более 1500 танков и самоходных артиллерийских установок»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.